

М.А.Стародубцева

Гроза

Мария Александровна Стародубцева

Гроза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29562470

SelfPub; 2018

Аннотация

Трудовые будни сотрудников Следственного комитета РФ. Через маленький отдел проходит оживленная магистраль человеческих судеб: сломанных и запутанных. Никто не останется незапятнанным, каждый, кто сможет выбраться из затягивающей в свое сердце грозы, обязан измениться. Вот только для кого снова взойдет солнце?

Гроза

Мария Стародубцева/Лизель Вайс(псевдоним)

1.

6 часов утра 21 марта. Ленточный бор, возвышавшийся по обеим сторонам русла железной дороги, зябко покачивался темной полусумеречной массой, стремясь спрятаться от сырого южного ветра. Рыхлый снег проседал и тяжелел, грязно-серым желе разбухал между высоченными прямыми соснами, стекая к полотну рельс, где обнажалась рыже-бурая мокрая земля.

Игорь Зимин, привычно рассекая воздух и наст острыми наконечниками лыжных палок, бежал коньковым ходом по расчищенной колее. Палки лыжника-любителя втыкались в снег, делая его похожим на вязкое решето. Пуховик он сегодня надел зря, разгорячившись, быстро вспотел, и теперь то и дело поправлял намокшую шапку, съезжавшую на лоб. Лишние килограммы, найденные на последнем обследовании, давали о себе знать, после получасовой пробежки по лесным тропам, сердце колотилось, а перед глазами расплывались разноцветные круги.

Зимин работал специалистом в бухгалтерии, бегать по утрам решил полтора месяца назад, получалось нерегулярно, но, в целом, распорядок его устраивал. В тридцать пять нужно держать себя в форме. Он на бегу покосился на часы, остановился, чтобы отдышаться. Впереди на смутно видневшейся в сумерках дороге чернел завал, такое бывало ча-

стенку. Дорога одна в этой части леса, чуть ниже будет стрелковый клуб «Боец», и такая тишина и свежий воздух здесь только сейчас. Он подбежал к завалу, оказавшемуся нагромождением обломанных еловых лап, и от неожиданности чуть не улетел лицом в соседний сугроб. Из-под веток торчали темно-коричневые сапоги-дутьши. Зимин лихорадочно принялся нашаривать свой купленный в кредит пятый айфон по карманам.

Двадцать минут седьмого. Заспанный оперативный дежурный Олег Полозков, полночи прошедший в «Доте-2», вздрогнул, услышав навязчивое дребезжание звонка. Кроме него, в дежурке были еще два охранника и залипший в телефоне оперативник.

–Отдел полиции Центрального района, дежурный, лейтенант Полозков,– рывком собравшись, бодро проговорил он. В динамике раздались нервные выкрики.– говорите четче.

–Тут в лесу труп в сугробе,– сообщила трубка. – вроде парень под поезд попал. Ветками завален, снаружи почти не видно, только сапоги торчат.

–Пожалуйста, ничего не трогайте. Где вы находитесь?

–Ленточный бор, возле стрелкового клуба «Боец», я тут на лыжах бегал.

Лейтенант привычно открыл бланк регистрации сообщения о преступлении и принялся быстро печатать.

–Ваши анкетные данные?

–Что? Я говорю, труп в лесу лежит!

–Назовите пожалуйста ваше имя, год и место рождения. – буднично повторил Полозков. Хорошо хоть сообщающий не пьян, как это частенько бывает. Общий язык нужно находить с каждым, как того требует приказ. Ага, особенно сейчас, после ночного дежурства. Полозков по привычке почесал нос, проглядывая данные в бланке.

–Зимин Игорь Васильевич, 1982 год рождения, Барнаул, – голос слегка успокоился, – паспортные данные не помню, извините.

Лейтенант переключился на соседнюю линию.

–Направить следственно-оперативную группу для проверки информации сообщения №216/17 по адресу: Барнаул, Широкая просека, 3 стрелковый клуб «Боец», район Ленточного бора.

–Ваше сообщение зарегистрировано 21 марта 2017 года в 6:35 утра. –Полозков отключил телефон, сохранил бланк и распечатал его на принтере. Затем записал его в книге учета заявлений и сообщений. Лейтенант набрал номер помощника начальника отдела, майора полиции Киселева.

–Андрей Сергеевич? Дежурный, лейтенант Полозков, докладывает: поступило сообщение о преступлении в районе Широкой просеки, 3, Ленточный бор. Предположительно самоубийство, обнаруживший труп лыжник сообщил, что парень попал под поезд.

–СОГ извещена?

–Так точно.

–Хорошо. Олег, звони Соколовскому, это их отдела подследственность.

–Так точно. – Лейтенант отключился.

6:45 утра. Смартфон Юрия Соколовского разразился навязчивой трелью, пока его владелец торопливо вливал в себя крепкий черный кофе. Следственный отдел начинал работу в 9 часов, а у него было сегодня дежурство, так что поспать толком не удалось. В марте подвальное помещение, где их разместили, затопили грязные потоки талого снега вперемешку с собачьим дерьмом с улицы, капало с потолка и зарешеченных окон, трем столам пришлось соседствовать с тазиками с водой.

Бумага отсырела, принтеры и ксерокс работать отказывались, только факс исправно пищал время от времени. В компьютер попал какой-то вирус, загрузить древний ноутбук удалось только с третьего раза, при этом он гудел, как разгоняющийся на взлетной полосе самолет. И выдавал синий экран смерти, потом перезагружался и вис по новой. На черном экране был сантиметровый слой пыли, буквы на клавиатуре полустерлись, и Соколовскому пришлось учиться печатать вслепую. Выходило плохо, он потом по пятнадцать минут исправлял собственные ошибки, по привычке расставляя запятые в самых ненужных местах.

–Докладывает дежурный Полозков, – сообщил динамик. – поступило сообщение о предполагаемом самоубийстве в районе Ленточный бор, Широкая просека, 3. Следствен-

но-оперативная группа по подследственности направлена к тебе, в Централку.

–Время? – рывкнул в динамик следователь.

–В районе пяти минут подъедут.

Соколовский быстро накинул куртку, привычно залил в нос ничуть не помогавшие капли от насморка, обострявшегося весной, и выскочил на улицу. Дорогу размыло окончательно, деревянный тротуар утонул в снегу и грязи, с неба мелкой крупой сыпался снег, на полдороге становясь дождем. Ему сильно хотелось курить, куртка не грела, уже залпанная дождевыми каплями. В кармане лежала начатая пачка, не стерпев, он вытащил сигарету дрожащими покрасневшими пальцами. На ветру зажигалка никак не хотела сбавывать, огонек упорно гас, только обжигая. Выругавшись про себя, Соколовский скомкал сигарету, бросил ее в лужу под ногами, где она быстро размокла.

Без десяти семь подъехала свежезабрызганная «Газель» с опергруппой. Встали прямо в здоровенной луже в рытвине напротив двери следственного отдела, немного забуксовав. В машине, пропахшей потом и почему-то чипсами, сидели двое оперативников, Коргин и Михеев, и криминалист Лебедев.

–Привет, мужики,– сухо поздоровался Соколовский, то и дело вскидывая тяжелую из-за ринита голову.– А Белов где?

–Собачку выгуливает,– ехидно отозвался Лебедев, устраниваясь поудобнее. Водитель, Паша Кондратов, резко тронул

машину с места, «Газель», тяжело переваливаясь на ухабах, вырулила на Красноармейский.

Дождь залипал в окна, со скрипом работали дворники у водителя, размазывая грязь по лобовому стеклу. От их скрипа было ощущение, как от возни пенопласта по стеклу, вплоть до зубной боли.

Ехали минут пятнадцать, движение утром довольно интенсивное. Паша включил «Милицейскую волну», популярный исполнитель, имени которого не могли припомнить, запел про золотые купола, наколотые на груди. Только они, как известно, синие и не грамма золота. Блатной шансон как раз подходит ментам. И это был сарказм. Пару раз чуть не встали в пробку.

–Как Лиза? – спросил Соколовский у Саши Михеева, сидевшего «ВКонтакте». Оперативник вяло поднял голову.

–Сказала, что тебя самого надо убить, за то, что заставляешь нас ехать ни свет ни заря в лес.

–Очень смешно, – саркастически отозвался следователь, зевая с риском вывихнуть челюсть. –Это Полозкову надо сказать спасибо за оперативность и быстрое реагирование. Угробим весь день на самоубийцу.

–Хоть бы с рельс отскребать не пришлось, – пробурчал Лебедев, – как в прошлый раз.

Машину опять подбросило, в стекло полетели брызги очередной лужи. В динамиках пели о ночи над лагерем и облетающей листве. Сплошная зона. Кондратов уверял, что луч-

ше концентрируется от подобного шлага, однако, судя по судорожному вихлянию «Газели» по ухабам, сегодня был не его день.

– Не парьтесь, мы даже не доедем, – Соколовский сегодня был сама разговорчивость, обычно за ним такого не водилось. – затонем по дороге.

– Три дежурства подряд портят характер, – флегматично заметил имеющий хотя бы иллюзорную возможность выпастись Михеев. Старый друг еще со студенческой скамьи ответил ему весьма красноречивым взглядом.

Машина выехала на Кутузова, рытвины зачастили. Неделю назад из-за ремонта блокировали центр города, намечалось какое-то мероприятие. В итоге оно сорвалось, а вместе с ним исчез и асфальт. Создавалось впечатление, что его экстренно сняли обратно, еле успев положить. На переезде стояли сразу три машины ДПС, созванные сюда Полозковым для перекрытия движения. Поток автомобилей шел в объезд, раздраженно сверкая сотнями фар. Утро вторника выдалось нервным и холодным. Доехав до моста магистрали на выезде из города, «Газель остановилась».

СОГ выгрузилась в грязь, поминутно ругаясь, Соколовский полез вниз по обледенелым расхлябанным каменным ступеням спуска к железнодорожному полотну. Мимо, трясясь и колыхаясь, грохотал поезд внизу, на блестящих от дождя рельсах, неслись, разбрызгивая лужи и мокрый снег машины вверх. Дорожники, страхуясь от гололеда, посыпали

дороги песком, он набух, отяжелел, смешался с грязью и летел теперь из-под колес в лица пешеходам. Рядом на дороге боком торчала здоровенная фура, груженная сосновыми бревнами, истекающими смолой. Кондратов закурил, высушившись в окно, по опыту, сидеть предстояло очень долго. Оперативники спрыгнули на полотно рельс, по направленной ориентировке идти по шпалам предстояло три с половиной километра.

– Хорошо, что Лизка не пошла к вам в следаки, осталась на кафедре универа, – пробормотал Михеев, – сейчас бы все каблуки себе обломала.

Соколовский только отмахнулся. Заложенный нос отлично прочищали сигареты, думать он сейчас был согласен только о них. Идти по рельсам довольно неудобно, в подошвы ботинок набивается щебенка, мокрая и острая, и ощутимо колет, ступать по шпалам не получается, нога сбивается с ритма.

Коренастый Лебедев, волоча свой неизменный чемодан, пыхтел, стараясь не отстать от длинноногих оперов и Соколовского. Леха Коргин в СОГ был недавно, полгода после перевода из Индустриального района. Централку гоняли чаще, семь-восемь выездов в три дня считалось нормой. Сверху кружили какие-то птицы, вроде ворон. Временами раздавалось хриплое карканье, наверно, наверху разыгрывался нешуточный ветер, раз вороны летали практически кувырком. Грозовой фронт, холодный воздух прессинговал горя-

чий.

–Везет им,— кивнул Коргин, уже успевший обзавестись небольшой проплешиной в двадцать восемь лет.— летают и не волнуются ни о чем.

–А по-моему девиз птицы: маши крыльями, пока не сдохнешь. Они не могут летать без дела.

Михеев споткнулся об очередную разбухшую шпалу, попутно высказав все, что он о ней думает. Большой палец левой ноги ощутимо болел, только этого не хватало. Не видящий везения в птичьих полетах Соколовский высмотрел впереди поезд, пришлось сойти с полотна и ждать, пока он пройдет. Лебедев замешкался и спрыгнул с рельс с другой стороны, поезд скрыл его. Нужно было торопиться, утихнувший было дождь зарядил с удвоенной силой, а идти еще полтора километра.

–А куда сгинул Жека? – осведомился Коргин у двух приятелей, напоминавших взмыленных коней. Куртки не помогали, только жарили напрасно. Пот тек по лицам, мешаясь с дождем. Ветер дул теплый, хоть и порывистый, парни продрогли и походили на растрепанных мокрых ворон, напоподобие кувыркающихся над ними.

–Ну, если он не стал Анной Карениной, то догонит нас.

–Лех, не лезь к Юре, его судьба обидела, в подвал загнала,— усмехнулся Михеев, стянув ненужную шапку. Влажные от пота растрепанные темные волосы достались ветру. Соколовский на правах насморка вынужден был париться под ка-

пюшоном куртки и меланхолично шмыгать носом на каждом вдохе. Дышать было вообще нечем, он то и дело запрокидывал голову, так, что в глазах темнело, пытаюсь продохнуть.

—Зато меня начальство не пилит за чрезмерную инициативность,— отпарировал он первым пришедшим в голову.

—Зато я не ночую на работе,— Сашка убил аргументы друга наповал, заставив того насуплено уткнуться в телефон, сверяя по джипиэс их местонахождение. На рельсах в ярко-оранжевой форменной одежде работали ремонтники, возникший из небытия Лебедев предложил свериться у них. Соколовский, едва сойдя с рельс, увяз в рыхлом снегу по колено, и, чертыхаясь, полез к рабочим спрашивать дорогу.

—Они понятия не имеют, их не осведомили,— сообщил он, вернувшись. И снова пошел длинный однообразный ряд шпал, уходящих за горизонт. Привыкший смотреть себе под ноги Михеев от скуки решил начать их считать. Ветер явно намеревался перейти в бурю.

—Смотрите, елка двухголовая,— решил взбодрить приятелей Лебедев, запыхавшийся и покрасневшийся. Особого впечатления это не произвело. Соколовский, горевший болезненным румянцем, с бараньим упорством тащился вперед, высматривая место преступления по координатам. Михеев и Коргин для приличия оглянулись, но ничего интересного в одинаковых рядах хвойных не заметили. Наконец координаты сошлись, судя по ориентировке труп лежал на лыжной тропе в восьмистах метрах от железки. Следовательно

осторожно полез по сугробам к деревьям, поминутно проваливаясь, за ним снег утрамбовывали Коргин с Михеевым. Замыкал Лебедев, шедший относительно свободно. Возле рельс была оттаявшая бурая земля, дальше снег был вымазан чем-то вроде мазута или солярки, а у самих сосен была нетронутая глубокая и мокрая рыхлая масса. Время двадцать пять минут восьмого утра.

2.

Зимин, естественно, давно испарился с места преступления на работу. СОГ, кое-как продравшись сквозь рыхлый снег, столпилась у завала. Соколовский с Михеевым принялись осторожно разбирать еловые лапы, беспорядочно сваленные на труп. Сильно запахло смолой, хвоя кололась и ломалась под пальцами.

–Лыжник лоханулся, это тетка,– констатировал Михеев, бесстрастно разглядывая скрюченное в позе эмбриона тело. Молодая женщина, явно не бомжиха, устремила в небо неподвижные пустые глаза. Лицо, уже распухшее и одутловатое, было розовато-землистым. Мокрая заиндевевшая одежда частично примерзла к насту, пришлось отдирать.

–Успела окоченеть, налицо признаки разложения, замедленные ночным холодом,– пробурчал себе под нос следователь,– разбухла как дохлая лошадь, точный возраст не определишь. Давай Жека, я пока позвоню Семко. – он полез в карман за телефоном.– Алло, Сергей, нужна твоя консультация, район Широкой просеки, 3, труп женщины. – Динамик отключился.

Криминалист привычными быстрыми движениями натянул на озябшие красные руки тонкие латексные белые перчатки. Согреться они не помогают ничуть, продуваемые насквозь. И очень легко рвутся, обычно их на выезд берешь по

две— три пары. Соколовский фотографировал труп на мыльницу, только потом Лебедев перевернул тело на спину.

—Женщина, предположительно заблудилась и замерзла в лесу. Ветки нарвала с соседних деревьев, пыталась согреться, заснула.

Следователь принялся обшаривать карманы трупа. Одежда туго натянулась на теле, походившем на надутую резиновую куклу.

—Сукровица из носа, посмертные выделения? — он указал на забрызганный кровью желтый шарф трупа крупной машинной вязки. — И здесь тоже? — на левом боку бледно-зеленоватая кожа тоже краснела полосками крови. — Или ее тащили?

—Вряд ли, кровь выступила после смерти, такое вызывает резкое падение давления.

—Значит, пришла сюда, замерзла, не смогла согреться, заблудилась? — следователь продолжал осмотр, в нагрудном кармане пуховика трупа цвета хаки обнаружился выпачканный кровью билет на автобус, намокший и полурасползшийся. Соколовский осторожно вложил улику в блокнот, пытаясь расправить.

—Дай посмотреть,— Лебедев близоруко сощурился, вглядываясь в полустершийся клочок грязной бумаги.— билет на автобус?

—Да. Номер не разобрать, но дата отправления стоит 17 марта. Похоже, это потеряшка с Индустриального, они в пят-

ницу возились с ориентировками, по внешнему виду вроде совпадает. Документов при себе нет.

– Передаем индусам по подследственности? – Михеев зевнул.

– Обломится, теперь уже меня к ней привяжут. Слушай, Жека, посмотри, может ее изнасиловать успели?

– Если бы ее насиловали, – резонно возразил Лебедев, – с нее бы штаны сняли, а она чистая и одета полностью. Не катит.

Следователь опять принялся названивать судмедэксперту Семко, динамик что-то бормотал и отключался. Время половина девятого утра, сплошные промедления. Коргин с Михеевым отошли к железнодорожному полотну перекурить. Лебедев шатался по лесу в поисках обломанных нижних ветвей росших поблизости елей, временами он подбирал палки с земли и подолгу вертел их в руках. Как шаман, заклинающий дождь. Причем, заклинающий скверно, морось перешла в частую дробную поливку. Дождевые капли стучали по капюшону куртки следователя, как по шиферной крыше дома, отдаваясь у него в голове. Стоять было сыро, холодно и неудобно, оставалось позавидовать трупу, следившему за ними полужакрытыми водянисто–серыми глазами.

Озябнув окончательно, Соколовский присел на корточки, раскрыл сумку, вытащил оттуда бумагу и планшет, и принялся набрасывать протокол осмотра. До прибытия судмедэксперта действий с телом проводить было нельзя, оставалось

молча проклинать Семко, как обычно пустившего в выходные корни у стойки бара. Дождь лил безостановочно, оперативники вернулись под деревья, взъерошенные и злые. Следователь набрал эксперта в двадцатый раз, динамик вообще ответил длинными гудками.

Снег с каждой минутой проседал и опадал, если оставались какие-то следы преступления, быстро увеличивался риск их потери. Томительное ожидание бесило Соколовского, который после нескольких дежурств подряд и так постоянно был на взводе, чувствуя себя профессиональным зомби. Михеев, отсидевший с ним весь универ за одной партой и год армии в одной части, хорошо усвоил, что в такие минуты к Юре лучше не подходить. Лебедев приволок целый ворох палок и сучьев, и принялся их сортировать.

—Есть следы слома?

—Да, ветки обломали вон у тех деревьев,— криминалист махнул рукой влево, в сторону небольшой прогалины,— получается она шла туда, но следов нет.

—Лыжник затоптал, плюс наст проваливается, через три часа ничего, по сути, не останется.

Со стороны железной дороги послышались голоса, из-за деревьев возник судмедэксперт Сергей Семко собственной персоной. Он прихватил дождевик, поэтому, в отличие от остальных, не смахивал на мокрую курицу. Михеев мрачно покосился на него.

—Юрка тебя прибьет

—А мне плевать, у меня еще четыре трупа висят, и на каждом по следаку, которым страсть как охота меня увидеть! У меня полчаса, мужики.

Семко подошел к трупу, механическими движениями автомата принялся снимать с тела одежду. Сапоги – дутьши обтянули ноги так, что встал вопрос, разрезать их или нет. Эксперту было лень осматривать ноги, тем более, что без особого смысла, так что сапоги просто в итоге указали в протоколе как часть описи вещей при убитой. Действовал он быстро и цинично. Но здесь цинизм становится неотъемлемой частью работы, к нему привыкаешь и уже не обращаешь внимания на подобную мелочь. Неделю назад им выпало вытаскивать из переполненной ванны труп парня, вскрывшего себе вены и по классическому сценарию оставившего записку с признанием в любви какой-то школьнице.

Вроде бы избитый и затасканный до предела сюжет, даже глуповатая усмешка мелькала то и дело на тонких губах того же Соколовского, пока он писал там протокол, сидя у ванной с красной водой на типовом железном тонконогом табурете. Но наигранность сюжета здорово меркла при виде заплаканной почерневшей от горя матери, не понимающей, за что ей в сорок один год такой удар. Простая грязь и простое величие смерти обезоруживают даже ее верных слуг, саркастичных и озлобленных псов закона.

Зачем было тыкать этой матери под нос уголовный кодекс со статьей 110 про доведение до самоубийства и говорить,

что дело не возбудить и здесь будет только постановление об отказе? Перед ней лежал труп ее ребенка, ясно утверждающий свою трагедию, и в ту минуту никакой кодекс не мог ей объяснить, почему он это сделал. А потом наступила злость на закон, который не смог оградить ее сына от бритвы, и на оперативников, которые не успели ему помочь. Обычная проблема обычной смерти, жуткий и привычный парадокс, с которым уже смирились и просто закрывают на него глаза.

–Фиксируй, Сокол, – следователя вырвал из задумчивости окрик судмедэксперта, – женщина, приблизительно двадцать девять-тридцать лет, точное время смерти сказать не могу, но, похоже, от двух до четырех суток назад. Повезло, что все это время держался холод, оттепель пошла только с сегодня. Рост примерно метр шестьдесят пять, глаза серые, волосы белесые, блондинка. – следователь быстро строчил на листах протокола. – Так, шмотье. Пуховик, цвет темно-зеленый, джинсы, цвет темно-синий, – описанные вещи были брошены в снег по соседству, Михеев принялся их аккуратно сворачивать и укладывать. – свитер желтый, вязаный, такая же шапка и шарф, запачканный бурой жидкостью, то есть кровью. – Свитер пришлось снимать довольно долго, он натянулся на трупе, как кожа на барабане и одеревенел. Наконец Семко стянул его, обнажив рыхлое полноватое распухшее тело, в которое впился простой черный лифчик. Живот трупа надулся и был совершенно неподатливым.

–Насиловали ее? – вернулся к своей теме следователь.

–Нет, нижнее белье на месте, джинсы не сняты, не растегнуты,– отозвался судмедэксперт, размещая труп поудобнее и склоняясь над ним, как над собственной жертвой. В камуфляже и дождевике громила Семко выглядел внушительно, как того и хотел. Уже трижды ему названивали клиенты, жаждавшие навязать бедняге на голову очередного покойника.

Из-за масштабного зимнего сокращения, Семко остался практически одним квалифицированным судмедэкспертом на три района, о чем обожал напоминать зарвавшимся следакам, подчеркивая свою автономность от СОГ. Высокое начальство дало негласный приказ на оптимизацию, уже прошерстили экспертизу и угрозыск, до следствия пока не дошло. Возможно потому, что там и так нечего было оптимизировать.

–Ну, я с вами согласен, смерть от обморожения,– продолжал он, пытаясь справиться с заклинившими крючками лифчика. Ему это удалось, теперь труп был обнажен до пояса. А под левой грудью виднелось отверстие со следами крови.

Соколовский присвистнул.

–Кол-рез,– констатировал судмедэксперт,– ножом ее пырнули. Или шилом, орудие с узким и тонким лезвием.

–Теперь точно не отвяжешься, убийство чистое. – следователь недовольно покосился на Михеева.

Семко продолжал колдовать над трупом, что-то ему явно не нравилось. Рывком приподняв неподатливое резино-

вое тело, он перевернул его на бок и толкнул Соколовского, тот обернулся.

–Блеск! Убийца прямо для нас старался.

Следователь мрачно сверлил взглядом выходное отверстие в спине, примерно на том же уровне, что и входное. И почему нельзя было принять их версию с обморожением? Угораздило же эту тетку забрести сюда, да еще и словить пулю.

–Вся кровь внутри осталась, в грудной полости,– Семко, в подтверждение своих слов, слегка надавил на край округлой небольшой раны, оттуда сразу потекла темно-красная густая холодная кровь. Как могла бы течь вода из проколотого мешка, не останавливаясь и не свертываясь. Пуля осталась в теле, извлекать ее предстояло патологоанатому в морге. Судмедэксперт, сфотографировав все необходимое, снова натянул на труп одежду и растворился в серой сплошной пелене дождя. На труп капли не держались, скатывались в просевший снег.

Огнестрел в Барнауле означал большой резонанс дела, так не убивали уже лет десять, если не больше. Время одиннадцать утра.

3.

Следователь распорядился снять отпечатки пальцев и смывы. Лебедев, кряхтя, присел на корточки перед трупом, раскрыв свой неизменный и порядком ободранный черный чемодан. Внутри были пробирки, вата, бумага, перчатки и куча полиэтиленовых мешочков. Криминалист нарезал несколько полосок бумаги для каждого пальца, пометив их черным маркером, и попутно выругавшись, что он почти засох.

Потом придвинулся поближе к трупу, и принялся разгибать заиндевелые скрюченные распухшие пальцы на ближней к нему левой руке. Пальцы поддавались с трудом, только через пару минут ему удалось их размять. На ощупь они напоминали холодный пластилин, немного липкий и отсыревший. Сырость проступала даже сквозь перчатки. Ногти были покрыты недорогим светло-серым лаком, местами облезшим и покоробленным, не обкусанные, женщина не отличалась нервозностью, скорее всего. Тонкие при жизни пальцы, правильной формы.

Лебедев любил разглядывать украдкой человеческое тело, он после этого проникался какой-то особенной нежностью и трепетностью к собственному. Проработав в полиции пятнадцать лет, он и сейчас представить не мог, как это его собственные пальцы, теплые и повинующиеся любой его прихоти.

ти, вдруг одеревенеют и также не будут поддаваться резким движениям какого-нибудь чужого незнакомого эксперта, который вот так будет их мять и разгибать. Он даже незаметно покосился на них, боязливо отведя глаза сразу же.

Смерть была простым и обыденным явлением даже здесь, но в глубине души ты все равно надеешься, что она пройдет мимо тебя, не заметит и не возьмет с собой. Но рядом она расхаживала постоянно, сидела за столом с тобой, и ты мог слышать, как она смеется над твоими философскими размышлениями. А философствовать криминалист начинал обычно после третьей рюмки водки, уходя в пятничный запой.

Видимых загрязнений на пальцах не было, но он все равно аккуратно и методично протер их ваткой, смоченной в перекиси водорода. Пальцы немного размягчились, теперь можно было приступать к снятию отпечатков. Лебедев нанес на них тонкий слой дактилоскопической краски, а затем принялся осторожно прокатывать обрезки бумаги по подушечкам ногтевых фаланг пальцев трупа. Пару раз тонкая бумага порвалась и соскользнула, он вынужден был повторить всю процедуру с начала. На каждом листочке он делал пометку, с какого пальца взят отпечаток, и складывал их по одному в полиэтиленовые пакетики, оформляя вещдоки.

Тем временем, Соколовский вместе с Михеевым измеряли расстояние от места обнаружения трупа до железной дороги с помощью дальномера. Этот прибор был, похоже,

изобретением следственного отдела, буквально просившего милостыню у соседней полиции и экономившего на всем. Даже листы протокола, который он сейчас заполнял минут десять, на проверку оказались частью чьей-то курсовой работы с обратной стороны. Еще и не уголовной тематики, в итоге на протоколе сзади разворачивалась характеристика Конституции СССР 1936 года. В отделе толпилось много студентов, так называемых общественных помощников, вернее, общественных баранов, коими он их считал. В бытность свою студентом бакалавриата, четыре года назад, он тоже был таким помощником, буквально ночевал в отделе. Сейчас, если бы его спросили, зачем он это делал, Соколовский надолго бы завис. За два года работы должность следователя успела ему осточертеть. Даже этот дальномер, помесь компаса и джипис-навигатора, сконструированная его напарником Бернсом с истинно немецкой педантичностью. Дальномер был один на два отдела, Бернс отдавал его неохотно и трясся над изобретением больше, чем над собственной годовалой дочерью. Зря трясся, дальномер не работал.

–Саша, сейчас будем с линейкой ходить, направь его на ту сосну, пусть сигнал отразится сюда, что ты его таскаешь?– это пришлось почти орать, Михеев в поисках удобной позиции для лазера ушел на другую сторону железной дороги вверх по обрывистому спуску, встав между деревьями.

–Не фиксирует он сосну твою, третий раз сбивает. Направляю на столб железной дороги №87, вон тот. – Михеев

никак не мог направить лазерный луч дальномера на твердую поверхность, лазер сбивался и импульс не срабатывал. – Видишь на столбе красную точку?

–Нет. Стой. Ага, вижу. Поймал на радар столб?

–Поймал. Включаю. – Лазер опять задергался, но все же указал на поверхность столба. Импульс дальномера сработал.

–Стоп,– крикнул Соколовский, торопливо записывая появившиеся на экране координаты широты и долготы. – отключай, а то опять засбоит. – Точное место обнаружения трупа было установлено. Теперь следователь еще полчаса отчитывался для галочки, отзваниваясь начальнику своего отдела, замначальнику отдела полиции и прокурору района о находке трупа с огнестрельной раной. Мельком покосившись на часы, он выяснил, что уже почти час дня. Дождь перестал, они и не заметили. Сквозь безжизненные серые облака проглянуло холодное бледно-голубое небо, ветер немного поменял направление и ощутимо похолодел.

Соколовский названивал кинологу Белову, чтобы тот проверил район преступления с собакой, тот ответил после третьего звонка, обещав быть через полчаса. Коргин ушел встречать труповозку, сани с мигалкой, и ожидаемо пропал. Минут десять они с Михеевым лазили по сугробам, устанавливая дальномером границы района преступления. По ватсаппу Соколовскому пришла ориентировка и материал проверки на потеряшку, пропавшую женщину с Индустриаль-

ного района.

–Сашок, нам повезло! Пропажка нашлась, Лихоткина Надежда, 1985 года рождения, 32 года, учительница русского языка и литературы в 85 гимназии на Чкалова. Пропала 14 марта утром, с заявлением в полицию обратилась мать, Лихоткина Татьяна Александровна.

–Такая древняя, а не замужем? – сострил пожилой оперативник, двадцативосьмилетний Саня Михеев.

–Похоже нет. Ваш звонил, Киселев, сейчас пригонит сюда все начальство и будет их тыкать в вылизанное нами до чистоты дерьмо. А мой Комаров будет ходить павлином и петь о резонансном убийстве.

–Юр, хорош брюзжать,– отмахнулся от друга Михеев,– вот закончим с покойницей, поезжай к нам. Хоть поешь нормально в кои-то веки. Поесть и выспаться, о чем еще мечтать, особенно когда ты околел от холода и дико завидуешь трупу в сугробе!

–Кстати насчет еды, очень вовремя! – Пока Белов и труповозка не приехали, следователь с Михеевым, слиняв побыстрому от возившегося с трупом и ветками Лебедева, ушли к железной дороге поесть и перекурить. С самого утра сигареты во рту не было, даже голова кружилась. Здесь дули все ветры, зато не было ворчащего криминалиста. В Сашкином чемодане обнаружился сухпай, свои запасы Соколовский успел схомячить еще сидя в отделе в полвторого ночи, одурев от скуки над решением вопроса, почему нарко-

тики так называют, а не нарпесиками. В сухпае были пять галет, спиртовая таблетка, мини-плитка для розжига, большие спички, куриные ножки и гречка, пища богов! Пока следователь выискивал место посуше в оттаявшей жухлой траве, ставил малюсенькую для его пальцев плитку и разжигал огонь, обламывая спички, Сашка вволю курил, с наслаждением втягивая в себя дым. «Максим», не самые хорошие сигареты, но достаточно едкие, чем и притягивают.

–Ты же обещался Лизе, что бросишь? – поддел его приятель.

–Ну тебя, – отмахнулся Михеев,– не спали только. Я ей говорю, что курю по сигарете в день, не больше. – При этом он уже успел уничтожить почти половину пачки.– С утра во рту ничего, сушняк просто жуть!

–Давай сюда курицу.– Соколовский перевалил гречку в контейнер с курицей и поставил все это на раскалившуюся плитку. Поднявшись, он тоже закурил. Заложенный нос не давал в полной мере насладиться прелестью дыма, в итоге ему пришлось чихать минуты две, протирая рукавом заслезившиеся красные глаза.

–Юра, бери больничный, хватит заражать отдел.

–Ага, очень смешно,– проворчал тот,– а работать за меня кто будет? Больничный-то не оплатят, сиди потом на мели. Пустяки, дня три и пройдет

–Ну да, я круглый год это слышу. Говорю же, приезжай к нам, вылез из своей берлоги,– заманивал Сашка,– Лиза

обед приготовит, она любит, когда ты приходишь.

– Правда? – быстро спросил Соколовский, в очередной раз затягиваясь. Черные глаза следователя, обведенные красно-синими кругами от недосыпа резко метнулись в сторону что-то фиксировавшего в блокноте Лебедева. – Что он там пишет?

– Жалобу на нас с тобой, как всегда, – флегматично заметил Михеев, – что мы тут халявим, а его не накормили.

– Черт! – пока они болтали, пластиковый контейнер успел начать плавиться и сливаться в единое целое с курицей. Снять его с плитки сразу не удалось, следак только обжегся и недовольно зашипел.

– Дай сюда, холостяк-неумеха – не менее голодный Михеев, оттопырив карман кутки и зацепив контейнер. Куски курицы поделили почти поровну. В сухпае нет ложки, ее роль выполняет обломок галеты, которым и поддевается кусок мяса или гречка. Сухое безвкусное печенье служит и хлебом, это вообще чистая панацея.

Едва друзья успели проглотить еду, нарисовался Белов с Полканом, дипломированным специалистом по безопасности, находящимся на пайке снабженца. В отчете Дима прописал именно такую должность для своей овчарки. Полкану было хорошо, лучше всех. Он валялся и барахтался в песке, собирая блох и клещей, и щелкал зубами, поедая невидимых мух.

– Настоящая полицейская собака, – резюмировал Михеев.

ев, посмеиваясь своими немного бешеными серо-стальными глазами.

Полицейская собака никакого желания шататься по лесу не выражала, предпочитая кувыркаться в желтой траве, вылезшей из-под снега на взгорье. Здесь, наверху, над дорогой, снег почти сошел, земля была устлана хвоей и завалена бурными прошлогодними шишками, которые Полкан то и дело пробовал на зуб. Бежать он не хотел, расселся на хвое, выведив наружу мокрый розовый язык и показывая желтоватые клыки. Впрочем, светло-карие глаза собаки доказывали ее доброту, несмотря на brutальный внешний вид. Совместными усилиями удалось содрать двухлетку – овчарку с места и протащить ее по лесу.

При весе килограмм в тридцать, упитанная псина, упирившаяся толстенными грязными лапами в мокрый песок, походила на бочонок. Соколовский с Михеевым ползали по хвое, высматривая улики. Возле упавшей зимой сосны обнаружился целый обеденный стол. Недопитая бутылка дешевой водки стояла на доске, неуклюже вделанной между двух деревьев, там же размещалась красная бутылка кетчупа. На земле валялся обрывок газеты, придавленный наполовину опорожненной бутылкой «Спрайта», там же смятые пластиковые одноразовые стаканчики, переломанная надвое пластмассовая тарелка и аккуратно упакованный хлеб в нарезке «Алтайские закрома».

– Стоп, здесь следы, – Белов унял собаку, пока следователь

фотографировал, потом они принялись сортировать вещдоки, складывать бутылки в один мешок, остальное в другой. Снизу позвонил вернувшийся Коргин, они с Лебедевым нашли коробку из-под петард «Буря» и две раздавленные жестяные банки из-под колы.— Леха нашел коробку «Буря в пустыне», прикинь?

—Ну да, пока мы тут объедки собираем. — Диман Белов игрался с Полканом, наплевав на преступление и тому подобные житейские неурядицы. Овчарка в мощной шерстяной шубе жарилась на весеннем солнышке, развалившись перед оперативниками брюхом кверху и задрав лапы. Опер, щурясь, почесывал лохматого коллегу по упругому животу, надувшемуся как шар. Пес уже успел где-то перекусить в лесу, наверно, пообедал мухами.

Чуть ниже обнаружилась еще одна бутылка. По датам и повреждениям определили, что она валяется тут не с прошлой осени, а не больше недели.

—Судя по всему, она была тут с любовником,— Соколовский набрасывал схему места преступления в блокноте на ходу, пока Сашка увязывал мешки из-под мусора, гордо именовавшиеся в отделе хранилищем доказательств. Черные тонкие мешки легко рвались, приходилось таскать с собой целый комплект. На каждый клеилась скотчем бумажка с подписью. — он ее пригласил на пикник. Потом поссорились, и он ее пристрелил в упор. Пока ругались, пришли туда, вниз по откосу, так как следов волочения тела не было.

Диман уволок довольную и разморевшую на солнцепеке собаку обратно, оперативники пошли назад к трупку. Там уже собралось высокое начальство, прокурор Централки Красиков, начальник следственного отдела Комаров и замыкающий тройку букв «к» Киселев, замначальника отдела полиции. Соколовский показал им протокол и схему места происшествия.

–Так, откуда взялись сломанные ветки? – спросил Аркадий Иванович Комаров, толстый очкарик и педант, которого следователи между собой саркастически именовали «наш обожаемый шеф».

–Предположительно сам забросал труп, с целью сокрытия, – отрапортовал Соколовский.

–Гильза?

–Пока не найдена.

–Найти немедленно.

Отдав еще несколько указаний и получив фотоматериалы, начальники степенно удалились. С ними уехали и сани-труповозка. Это типичный снегоход «Буран», только выкрашенный в сине-белый цвет и с прицепленной мигалкой сверху. К снегоходу крепится жестяной поддон, отчаянно подскакивающий и дребезжащий на ухабах, туда и помещается труп, фиксируемый ремнями для надежности. Сани долго не могли проехать к трупку между деревьев, в итоге они остановились метрах в десяти, трое оперативников облекли тело в черный непроницаемый мешок, перетянули вязками и по-

грузили в сани. СОГ на короткое время разрослась до тридцати с лишним человек, там заправлял Комаров, когда он уехал, остальные потянулись за ним.

– Миссия выслуживания выполнена, – Соколовского, который к трем часам дня успел уже выбиться из сил, просто трясло.

Лебедев упаковал свои ветки и фотографии слома в мешки, увязав их, и благополучно уехал вслед за начальством. Коргина и Михеева следователь отправил искать злополучную гильзу, втроем они полезли обшаривать деревья на предмет наличия повреждений коры. Если бы пуля срикошетила или ушла в «молоко», они бы были, а так оперативники сидели по пояс в рыхлом снегу до четырех часов вечера. И все это в радиусе десяти метров от трупа. Временами они перекрикивались, но за час смогли найти только одну ель, у которой была слегка повреждена кора.

– Зайцы объели, – пробурчал Михеев соседнему дереву.

– Все, ура! Гильза от пестика! – заорал Леха Коргин откуда-то из-за деревьев. Он появился оттуда весь мокрый, в снегу, но довольный. Соколовский нервно выхватил у него гильзу, определил тип пистолета и сообщил ориентировку в отдел полиции. Дежурный снарядил наряд. Время – 16:45 вечера. В 17 часов Соколовскому отзвонился Лебедев, сообщив о взятии подозреваемого на его собственной квартире. Баллистики по гильзе определили пистолет Макарова. Без них, конечно, никто бы об этом не догадался.

–Пошли в отдел, парни,– следователь в который раз залил в нос бесполезные капли, от утреннего полного пузыря-ка осталось на доньшке.

Обратно шли быстро и молча. На переезде ждал Паша, к нему торопились, как к родной матери, уставшие и вымотанные вконец.

–А все-таки вон она, двухголовая елка,– Михеев неожиданно радостно ткнул пальцем в гущу деревьев. Елку увидели все в быстро сгущавшихся сумерках. Кратковременное солнце исчезло, уступив место очередным тучам, обещавшим принести дождь.

Едва приехав в отдел в половине седьмого вечера, и скинув вещдоки, СОГ рассталась. Михеев с Коргиным ушли к себе, Соколовский вместе с напарником, Эдиком Бернсом, должен был допросить подозреваемого, Ивана Колосова. Парня взяли по заявлению матери потерпевшей, указавшей его номер в тексте, а дальше уже дело техники. Дежурить в ночь предстояло, в порядке очереди, Эдику. Рад он был безумно.

4.

Подозреваемый, тридцатипятилетний охранник ЧОПа Колосов, оказался высоким нагловатым парнем, всячески отрицавшим свою причастность к убийству. Допрос велся в семь вечера откровенно зевавшим Соколовским и снимался Бернсом, просидевшим весь день в отделе и выглядевшим относительно свежим. Его напарник напоминал тухлую селедку вялым и отрешенным выражением сонных глаз. Тем не менее, нужно было работать. Пока Бернс диктовал в камеру стандартные формулы, Юрий вглядывался в белевший перед ним на мониторе ноутбука бланк протокола допроса подозреваемого, соображая, как бы закончить побыстрее. Пока он еще в состоянии что-то соображать.

—Следователь СО по Центральному району г.Барнаула СУ СК РФ старший лейтенант юстиции Соколовский Ю.А. в помещении кабинета № 6 следственного отдела по Центральному району г.Барнаула в соответствии с частью второй ст. 46, ст. 189, 190 (частью первой ст. 223¹) УПК РФ допросил по уголовному делу №177865429 Колосова И.А. — машинально диктовал он себе шапку протокола. Дело уже было возбуждено, сейчас он второпях печатал постановление о возбуждении, пока не привели убийцу. Дальше в протоколе шли стандартные анкетные данные пока еще подозреваемого, разъяснения ст.51 Конституции, по которой он мог не

свидетельствовать против себя и тому подобная муть. – Подозреваемому Колосову И.А. объявлено, что он подозревается в убийстве, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ. Подозреваемый, вам понятно?

–Так точно,– отрубил тот, согнувшись на стуле и опустив голову.

–Желаете давать показания?

–Да.

–Что вы делали 17 марта, в период с двух часов дня до восьми часов вечера? – это время в морге определили, как предположительное время совершения преступления. Сообщили по факсу полчаса назад. Обычно морг долго тянул с выдачей заключений, и сейчас следователь располагал только словесной консультацией патологоанатома Пономарева и разъяснениями судмедэксперта Семко, которые к делу подшить никак было нельзя. Нормальный акт будет, в лучшем случае, месяца через три. А в морг по поводу задержек лучше не звонить, пошлют настолько далеко, что сам к ним загремишь.

Колосов пожал плечами, ерзя на слишком маленьком для него неудобном стуле. В кабинете было настолько тесно, что вытянув ноги, он мог дотянуться почти до противоположной стены. Сбоку на него неодобрительно косился Сергей Иванович, отделовский манекен для следственных экспериментов. Выглядел он как заправский зомби, зеленоватый, покрытый

облупившейся розовой краской, одетый в темно-синюю мятую робу, он сверлил подозреваемого пустыми отверстиями для глаз.

– Я был с Надеждой Лихоткиной. Вечером, 16 числа мы ходили в кино, «Босс-молокосос», потом провели ночь у меня. – говорил он быстро, нервно сглатывая слова. Соколовский методично печатал, почти не глядя на подозреваемого. У него уже сложился свойственный служителям закона обвинительный уклон, неизбежная деформация сознания, при которой любой человек, сидящий напротив тебя на стуле для допроса, автоматически превращается в субъекта статьи. Человеческое в подозреваемом уничтожается в мозгу следователя, едва тот, закованный в наручники, переступает порог в сопровождении трех сотрудников полиции. Михеев, Коргин, стоявшие сейчас позади Колосова, естественно, также смотрели на него. Неважно, каким был Колосов до совершения убийства, сейчас он превратился в ходячий набор признаков, подходящих под конкретную ч.1 ст.105. Хорошо еще, что не часть вторую, ее лучше особо не применять. На памяти Соколовского ч.2 ст.105 вписывалась им в обвинительное заключение только раз, тогда, еще в Смирновке, деревне, где он раньше работал, электрик зарезал по пьяне сожительницу, вспорол ей горло и зачем-то перед этим отрезал руки, применив, соответственно, особую жестокость. Зачем, он потом и сам объяснить не мог. Крови тогда на полу было как воды, она прилипает к ботинкам и плохо потом оттира-

ется. Мамаша убитой, тоже испитая в хлам, тогда все прочитала, сколько денег придется занимать на похороны. Сам факт того, что ее дочь с распоротой шеей валяется напротив, ее особо не волновал. Лишним ртом меньше, больше водки достанется. Жутко было смотреть, насколько человек может стать ниже животного.

–С утра она рассердилась на меня из-за моей ревности,– продолжал подозреваемый, – она с кем-то переписывалась в Контакте и не показывала мне, ну я и пристал с вопросами. Потом она показала, там была ее подружка, Ленка Липова. Пришлось извиняться и просить прощения. Она все равно обиделась, сказала, что еще вчера купила билет на автобус и поедет в деревню к тетке, что я ей надоел. Я вспылил и ушел на кухню. Через полчаса она пришла ко мне ластиться и подлизываться. Не знаю, почему у нее было такое поведение. Я предложил ей съездить на природу, подальше от города и пострелять.

–Откуда у вас был пистолет?

–Я нашел его зимой, возле кафе «Ноев ковчег», он там в снегу валялся, у задней стены.

–А где он сейчас?

–Я выбросил его в реку. Испугался, честно говоря.

–В Обь?

–Нет, в Барнаулку, недалеко от съезда на новосибирскую трассу– оперативники переглянулись. Это означало то, что после допроса им всем придется тащиться к Барнаулке, этой

мутной грязной луже, и пытаться что-то выудить в иле и сухом камыше. – Мы поехали к «Бойцу», там спокойно. Мне не хотелось слушать ее вечное нытье про то, какая у нее сложная и тяжелая работа, а я колымлю и целыми днями режусь в танки. По дороге мы заехали в «Ленту», затарились продуктами для пикника. Сначала все было нормально, она веселилась и постоянно смеялась. Потом мы выпили. В стрелковом клубе занимались, она услышала выстрелы, ей понравилось. Я достал пистолет и предложил ей пострелять.

–Что было дальше?

–Она выстрелила, пуля ушла в «молоко», я засмеялся, она обиделась и выстрелила опять. Теперь пуля прошла рядом со мной. Я испугался, наорал на нее и выхватил пистолет. Пока мы пререкались, пистолет был у меня. Потом мне надо было сбросить напряжение, я начал стрелять по деревьям. Надя пошла вперед, оказалась на линии огня, а я не среагировал и нечаянно спустил курок. Она упала, я подбежал к ней, она молчала и не смотрела на меня. Я сбегал, сорвал веток, чтобы ее укрыть. Когда вернулся, она не дышала, я завалил ее ветками и убежал.

–Почему не сообщили о случившемся?

–Говорю же, испугался,– немного раздраженно ответил Колосов, оперативники невольно напряглись, готовые в любую минуту повалить его на пол и скрутить. Уже был такой инцидент, когда пьянчужка, которого забыли обыскать, пропорол следователю ногу спрятанным в рукаве ножом, неужи-

данно бросившись на того. –Больше мне сказать нечего.

Соколовский доделал бланк, распечатал его на единственном рабочем принтере и протянул Колосову.

–Посмотрите, все ли верно записано.

Тот мельком проглядел поданный ему лист и отрывисто кивнул. Глаза у него бегали вперед-назад, он явно растерялся и не знал, что ему делать. И постоянно мял пальцами в наручниках отворот черной ветровки и протирал потными ладонями свои темно-синие джинсы. Он вспотел, и к сырости в кабинете добавился еще и резкий удушливый запах пота. Астматик Бернс, плотно сбитый парень тридцати лет, тоже старший лейтенант, напарник Соколовского, тяжело дышал. Астма у него развилась уже на работе, больше на нервной почве, чем из-за слабых легких.

–Оперативная съемка завершена в 19:35 вечера 21 марта, – методично отметил Бернс. Сказав это, он выключил камеру, подозреваемого под конвоем увели. В кабинете остались Михеев с Коргиным, они молча смотрели, как Соколовский оформляет бланки постановления о проведении очередных действий.

–Это то, о чем я думаю? – тоскливо протянул Михеев, утомленный сегодняшним мутным и педантичным днем до крайности. У него бурчало в животе, на весь отдел. Хотелось есть, курить и спать, а ночью снова нужно было в составе патруля таскаться по городу. Сокращения дошли и до дежурной части, плюс нескольких оперативников задело на недавней

облаве наркоманов, так что людей было в обрез. Двоих на облаве убило наповал, теперь их семьи выбивали с дежурки компенсации. Гиблое дело, они просили по миллиону, вряд ли им дадут больше пятидесяти тысяч и то на всех.

—Увы,— кивнул следователь,— поехали копать в Барнаулке. Надо же, я хотел на выходных вырваться на рыбалку, — саркастическим тоном добавил он, роясь в ящике стола в поисках таблеток. Парацетамол не мог купировать головную боль, оставалось мечтать об аспирине, лежащем дома. Вот она, суть любви на расстоянии, когда ты на работе, а твое спасение на квартире.

До Барнаулки, до установленного по координатам места, добрались к девяти часам вечера. Туда уже согнали СОГ с моторкой, баграми и сетями. Уже совсем стемнело, лужи покрылись тонкой беловатой коркой льда. Небо очистилось от облаков и покрылось звездами, что обещало кратковременное возвращение мороза. По-прежнему дул сильный ветер, оперативники то и дело плотнее надвигали капюшоны курток, пытаясь согреться. Не повезло Соколовскому и Коргину, которым пришлось лезть по колено, потом по пояс в ледяную мутную и вязкую воду и закидывать плотные сети, шерстя дно в поисках злополучного пистолета. Одежда намокает сразу, сначала продирает до костей, потом начинается привыкание, появляется заторможенность в движениях. Потом долго не можешь согреться, а наутро ниже пояса будет разваливаться от боли все.

На берегу Михеев вел видеосъемку для протокола. Стемнело за полчаса так, что не видно ничего в радиусе двух метров. Соколовский, в темноте страдавший куриной слепотой, пару раз напоролся на коряги, спрятанные в илистом дне, и провалился в воду по грудь, лязгая зубами от холода. Город куда-то сгинул, превратившись в мутное скопление огней где-то сзади. Хорошо еще, что в моторке нашлись три пары резиновых сапог, от ледяной воды они, достаточно короткие, спасали плохо, но все же. В поисках пистолета лезли все глубже, прочесали баграми участок дна в радиусе примерно десяти метров, изредка сменяя друг друга. К полуночи небо снова стянуло и полил дождь. Оперативники работали уже молча, большинство полностью выбились из сил и замерзли.

—Прикиньте, даже камера на мой палец не реагирует,— меланхолично заметил Михеев. Никто ему не отозвался, все были заняты своим делом.

Пистолет в вязкой, воняющей гнилью жиже, именуемой рекой, искали до двух часов ночи. Моторка оказалась бесполезной, зря только ее тащили сюда, лодка просто не влезла бы в эту лужу. Ила нанесло очень много, ноги проваливались, дно то и дело уходило, открывались какие-то подводные ямы, в которые копошившиеся в воде угодили не по одному разу. От Барнаулки шел ощутимый холод, нужно добавить еще плюс два градуса на термометре в час ночи, а сейчас наверняка упало до нуля. Не нашли ничего, кроме кучи

бутылок и битого стекла. Окоченевших от холода Коргина и Соколовского самих пришлось чуть ли не вытаскивать из речки, насквозь промокших. Одна коряга здорово разодрала следователю левую ногу, местами до крови, от усталости он даже выругаться не мог. Чего нельзя было сказать о Михееве, который впотьмах осматривал другу ногу, светя плохим карманным фонариком. Кое-как зафиксировав в протокол результаты поисков, равные нулю, группа бегом погрузилась в «Газель», способная сейчас думать только о кипятке, любуясь в глотки.

Можно было даже позавидовать сейчас подозреваемому, который нежился в сухой и относительно отапливаемой камере после ужина, принесенного охранником. На обратном пути до отдела полиции вдобавок еще и дежурный сегодня Коргин умудрился заснуть, загипнотизированный плывущими за окном красными огнями полупустого ночного города. Растолкали его с трудом, остальные сгрузились там же, у отдела, на ватных ногах. Соколовский еще должен был зайти в свой отдел, сбросить на ноутбук видеозапись поисков пистолета для приобщения ее к материалам дела.

–Ну как, нашли пестик? – встретил его гоняющий чай в одиночестве Эдик. Он, с истинно немецкой педантичностью, держал у себя в столе отдельно пакетики с черным и зеленым чаем, выдавая их чуть ли не под расписку.

–Нашли дырку от бублика, – последовал невнятный ответ. Бернс понимающе кивнул, тут же забыв о напарнике. Конеч-

но, кому охота променять блаженное ничегонеделание в тепле и компании Интернета на ковыряние в ледяной воде.

Потом он кое-как добрался до машины, припаркованной внизу и заледеневшей в ожидании хозяина, еле прогрел ее. Ехать до дома пришлось с включенной на максимум громкости музыкой, чтобы элементарно не заснуть за рулем. Странное зрелище представляла собой оглушительно стучащая ритмами рока машина в половине третьего ночи на абсолютно пустых, расцвеченных размытыми после дождя огнями улицах. В так музыке подвывали сбившиеся в стаю бродячие собаки. Добравшись до своей квартиры, следователь рухнул на диван, даже не раздеваясь, проклиная будильник, который должен был вернуть его в этот мир уже сегодня, в семь утра.

5.

Ночью на вызов отправили патруль, которым руководил Михеев. Полозков нагрянул со своим звонком ни свет ни заря, в четыре часа утра. А Михеев уже лелеял надежду на относительно спокойную ночь и дремал, прислонившись лбом к холодному боковому стеклу. Лил дождь, патрульная машина уныло болталась, припаркованная на Ядринцева, возле церкви.

–Саша, Ядринцева, 87, квартира 41, проверьте сообщение по растлению малолетнего. Сожитель бабушки пытался изнасиловать внучку,– дежурно сообщил Полозков и отключился. Если бы мысли могли испепелять, от Полозкова уже даже воспоминания бы не осталось. Михеев толкнул в бок спящего рядом Иванова, толстого, но, как ни странно, весьма проворного парня, носившего за вежливость с задержанными кличку Добряк.

–Труба зовет, Жень, дом 87.

Иванов, всхрапнув, проснулся, за ним с водительского сиденья просунулась голова Володи Симонова. Он коротко кивнул, машина захрипела и рванула к указанному адресу.

Дом № 87 оказался обычной хрущевкой, замызганной и обшарпанной, с кучами мусора во дворе. Припарковаться из-за завалов было трудно, пришлось отогнать машину чуть подальше и перегородить выезд со двора остальным. Лифт

не работал, на четвертый этаж забежали, лампа в коридоре реагировала на движение, сейчас она горела приглушенным желтоватым светом. Обычные стены, серо-голубые, железные двери на квартирах, продавленные плиты пола в коридоре, свидетельствующие о том, что когда-то здесь был ремонт. Оперативники быстро проверили входы и выходы с этажа, затем окружили входную дверь 41 квартиры. Затем обладающий презентабельной внешностью Саша постучал в дверь. Похоже, что их ждали, дверь распахнулась моментально. На пороге стоял злощипый мужик в грязно-белой майке и джинсах, лет тридцати семи, обросший трехдневной щетиной.

– Проходите, – угрюмо пробурчал он, – он на кухне.

В однушке двое высоченных оперов едва помещались, неуклюже топя сапогами по коврам.

– Извините за грязь, – как мог учтиво пробормотал Михеев, мужик только отмахнулся. На кухне у плиты стояла растрепанная женщина в сером халате, на вид одного возраста с хозяином, здесь же жалась сухопарая пожилая дамочка. За столом сидел неопрятного вида пожилой мужчина, скрестив пальцы рук.

– Полиция! – возвестил Михеев очевидную истину, – Предъявите, пожалуйста, ваши паспорта.

– Берите, мы все приготовили, – мужчина в джинсах отдал документы.

– Черниченко Иван Сергеевич? – он кивнул, – расскажите, что конкретно случилось?

—Позавчера мне позвонила на работу жена и сказала, что дочь плачет дома. Говорит, что дед к ней приставал. Ну я поехал сюда, к ним, он сидел в гостиной, смотрел телевизор. Я маленько настучал ему пультом по голове и велел убираться отсюда. Он ничего не отрицал, собрал вещи и ушел. А сегодня вечером опять явился к теще, просил пустить переночевать, ему, видите ли, негде! Мы с женой приехали, хотели его выгнать, он плакал и сидел на лестнице. Тогда вызвали полицию.

Иванов осмотрел задержанного. Наручники не потребовались, сопротивления Болдырев не оказывал. Он был пьян и походил на побитую собаку. Не вызывал ни жалости, ни отвращения, только безразличие. Остальная семья провожала его в угрюмом молчании.

—Болдырев Юрий Владимирович, вам объявляется о вашем задержании по подозрению в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней. Прошу пройти с нами.

Бомжеватого вида старик только кивнул, весь помятый и подавленный. Под конвоем его сопроводили к машине. Сдали на руки Полозкову, Михеев тут же составил рапорт на планшете и уехал снова на дежурство. По возвращении в отдел предстояло еще аккуратно перенести рапорт на бумагу каллиграфическим почерком. Так выразался майор Киселев, всесильный, как он думал, босс дежурной части. Михеев писал так, словно его руку переехало трактором, но, получив

кучу нагоняев, вынужден был часами тренироваться дома на кухне, отрабатывая почерк. Получалось у него не очень, весь следственный отдел стонал, разбирая его рапорта. Но они хотя бы были обстоятельные, не то, что у Лехи Коргина. У того в рапорте стояла дата, время события и вымученные полстраницы описания, приходилось дополнительно его вызывать и опрашивать.

За оставшуюся ночь вездесущий Полозков успел подготовить документы и сообщить о факте преступления по всем адресам. К утру он еле на ногах стоял, заливая в себя горячий чай литрами. Может, оперативники и считают его пауком, сидящим в центре паутины, сам он полагал себя собачкой на побегушках. Дома его ждала беременная жена, пилившая лейтенанта за постоянные отсутствия при каждом его появлении. Голова от перенапряжения болела и наливалась свинцом, ему то и дело приходилось прикладывать к ноющему виску стоявшую рядом железную пепельницу напарника, чтобы хоть как-то ощутить холод. Ночное дежурство редко бывает пустым, наряды то и дело привозили новых подозреваемых. Иногда начинало казаться, что нормальные люди в городе не проживают, в каждом встречном мерещится потенциальный жулик. За шесть часов привезли двух наркоманов, найденных в парке, вот этого педофила и троих братьев Игловых, пьяных в доску, напавших на дежурный патруль на Чернышевского.

Эдик Бернс утро 23 марта потратил на сортировку посту-

пившего к нему толстеного материала по семье Игловых. Бешеное семейство праздновало день рождения знакомого, Янченко, возвращаясь с посиделок прицепились к случайному прохожему Лобову. Чем он им не понравился, дознавателю в отделе полиции братья говорить не захотели, сотрудничать отказались, перемежая каждое слово отборной нецензурщиной. Бернс затребовал их к себе для взятия показаний, пока еще не привели с полиции, он ждал и нервничал. Лобов им попытался дать отпор, завязалась драка, подоспевший наряд полиции попал под раздачу. Там же нарисовалась не менее пьяная сестра Игловых, Анна Потапова, которая и подралась с начальником патруля Михеевым, вынужденным применить к ней силу в виде наручников. Потенциальных свидетелей Бернс и обзванивал в данный момент, то и дело увязая в дебрях михеевского почерка и непонятных цифрах телефонов.

–Юр, погляди, что он тут понаписал? – он перебросил лист материала через стол Соколовскому, печатавшему рапорт об обнаружении признаков преступления по делу педофила Болдырева. Тот минуты две всматривался в размашистый почерк Сашки, по привычке шурясь. – Я бланк доделать не могу.

–Имея умысел на совершение преступных действий, вроде, но это не точно,– Соколовский вернул лист. Только он это сделал, в кабинет вошел Черниченко, отчим малолетней Олеси, которую пытался изнасиловать препорученный Юре

Болдырев, еще и оказавшейся следователю тезкой. Он сверил паспортные данные, все по отработанной механической схеме, затем приступил к самому допросу, одновременно перепечатавая сбивчивые слова явно волновавшегося Черниченко. Затем он дал тому прочитать написанное. Все же плюс любителей растления малолеток был в том, что они обычно не отрицали свои деяния, напротив, с удовольствием рассказывали подробности.

«Поясняю, что по указанному адресу я проживаю с супругой Черниченко Еленой Александровной и падчерицей Черниченко Олесей Витальевной 2007 г.р. и сыном Павлом (2 мес.). Переехали на данный адрес мы 01 июня 2016 года до этого мы всей семьей проживали у Костиковой М.Б. – моей тещи по адресу: г. Барнаул, ул. Анатолия, 315 кв. 8.

19.03.2017 года в утреннее время я проснулся, и моя супруга рассказала мне, что накануне, ночью рассказала ей о неоднократных действиях сексуального характера в отношении нее со стороны сожителя бабушки – Болдырева, со слов Олеси, Болдырев лизал ей языком половые органы, данные действия продолжались со стороны Болдырева несколько раз. Эта ситуация очень возмутила меня, сам я ребенка об этом не переспрашивал, но решил поехать к Костиковой, чтобы выяснить случившееся.

Мы поднялись к ней в квартиру. Я спросил, где Болдырев, она указала, что он в комнате, тот находился в своей комнате на диване и смотрел телевизор. Судя по внешнему виду, он

был в трезвом состоянии.

Я подошел к Болдыреву, забрал у него пульт от телевизора и несколько раз ударил последнего по голове рукой.

При этом, я высказывал фразы: «ты зачем напугал Олесью?!», «ты зачем напугал ребенка?», «это тебе за то, что ты ее лизал?». Я требовал от него, чтобы тот рассказывал мне и теще, что и зачем он делал с ребенком. Болдырев при этом как будто впал в ступор, но наклонил голову, буквально замер на месте, совершенно не сопротивляясь моим действиям, я же давал ему подзатыльники, сдернул его с дивана. Он стал бубнить себе под нос, что не понимает о чем речь. Тогда я рассказал Костиковой о том, что нам стало известно со слов ребенка. Она заявила Болдыреву, который, опустив голову, продолжал стоять на месте, чтобы он немедленно собрал свои вещи и убирался из дома. Тот, молча, без споров и возражений стал собирать свои вещи в спортивную сумку.

Я прогонял Болдырева из дома, при этом поясняя последнему, чтобы тот уехал из города и не появлялся на наших глазах. Он, собираясь, прятал взгляд, на мои вопросы он не отвечал, по такой его реакции было ясно, что он действительно совершил преступление в отношении ребенка, так как даже не пытался протестовать или спорить с моими обвинениями в его адрес. После чего он ушел из дома. Далее, я вместе с Костиковой, отправился к нам домой, там я, моя жена и теща, решили временно не заявлять в полицию, если он действительно уедет к себе в деревню и больше не появись-

ся, оставив в покое нашу семью. Мы приняли такое решение, чтобы не травмировать ребенка в связи с последующим предварительным расследованием.

Через день— 21.03.2017 около 20 часов 30 минут теща позвонила нам, она рассказала, что Болдырев вернулся в состоянии сильного опьянения, она не впустила его домой, и он спит в подъезде. Мы решили, что нужно звонить в полицию, о чем сообщили Костиковой М.Б., а она в свою очередь сообщила в дежурку, прислали наряд, который и забрал Болдырева. В это же вечер в отделе полиции №5 мы рассказали о совершенном им преступлении»

—Что вы можете рассказать о самом Болдыреве? — прервал чтение Черниченко Соколовский, тот встрепенулся от неожиданности.

— Ну, — замялся было тот, — он из Угловского района, работал электриком и дальнобойщиком. За время, когда мы жили с тещей, он постоянно игрался с Олесей, часто покупал игрушки и угощения, проводил с ней много времени, они играли вместе в настольные игры в куклы, при этом играли при закрытых дверях, но никто этому тогда значения не придавал.

—Как его охарактеризовать можете? — Соколовский дорого бы отдал сейчас за знание стенографии, у него уже пальцы устали барабанить по клавиатуре.

—Как пьянчугу, хитрый и изворотливый, везде найдет денег на водку.

—А дочь часто к ним ездила?

—Я не знаю, работаю водителем, поэтому плохо помню. Точно могу сказать, что не больше двух дней в каникулы.

—По факту данного преступления возбуждено уголовное дело, я буду сообщать вам о ходе следствия, потом придется еще пару раз вас вызвать. Распишитесь вот здесь.

—Да, сейчас.

—Извините за беспокойство.

—Ага, только что это вас так обидели? — Черниченко слегка освоился, уже с интересом разглядывая маленький подвальный кабинет, с промокшим насквозь потолком.

—Мы же на дотациях сидим,— криво улыбнулся Соколовский,— помещения нам дают по остаточному принципу.

—А взятки что не берете? — ухмыльнулся дальнобойщик.

—Так никто не дает, инфляция! — хохотнул следователь.

Черниченко кивнул и вышел, забыв закрыть дверь. С полутемного коридора потянуло сквозняком. Кабинет не отапливался, коридор тем более, так что лучше было закупориваться и стараться надышать хоть какое-то подобие тепла.

Старые деревянные окна утеплить позабыли, сквозняк свободно гулял по полу. В довершение счастья вирус распространился на все компьютеры отдела, при загрузке выдавался синий экран смерти, машина запускалась только с третьего-четвертого раза и могла отключиться в любой момент. Приходилось, как в игре старого типа, то и дело сохраняться, чтобы не перепечатывать потом дневную работу. Кляли

Юрия, впервые вирус проявился у него, тот свою причастность отрицал. Скорее всего, кто-то из общественных при- ташил на флешке битые файлы и обрушил и без того допо- топную отделовскую технику.

– А знаешь самый приколы? – пробормотал Соколовский, заливая в себя уже совершенно бесполезный «Просту- док», – Этой Олесе происходящее нравилось, она сейчас плачет и скучает по деду Юре, прикинь?

– Сколько ей, десять? Что не сделаешь, лишь бы уроки не делать! – Бернс заржал, отвлекшись от печатания.

У каждого в производстве по три-четыре дела, по которым нужно в короткие сроки напечатать все документы, сшить их и составить опись. Девяносто процентов времени проходи- ло за бумажками и дыроколом, и шилом. Плюс толстенная длинная игла и такие же суровые нитки. Тома уголовных дел хранились в сейфе, охранял его манекен, никому они нужны не были.

Половину стены занимал шкаф, забитый все теми же бу- мажками, папками и прочей ерундой. В частности кружками с недопитым чаем, засохшими пакетиками, тарелками с ока- меневшим кетчупом, банкой из-под пива, на которой болта- лась соколовская фуражка. Педант Бернс такого бы себе не позволил. Патрули чистоты ставили им исправно двойки, по- том приходилось писать кучу объяснительных, но уборку де- лать не хотелось никак. Надевать на работу форму желанием тоже никто не горел, Соколовский расхаживал в неизменном

черном свитере и все равно мерз, сладко мечтая об обогревателе. Эдик носил обычно розовую рубашку, под мышками у него были темные пятна пота, а на стуле висел темно-серый пиджак. Волосы у него были сальные, слипшиеся, он который день не мог найти время заскочить в душ.

–Завтра на стрельбы гонят,– сообщил Бернс.

–Нет, не пойду, – зевнул его напарник,– мне завтра ехать опять в Ленточный бор, буду проводить эксперимент с Колосовым, завязну до вечера.

–А мне допрашивать клан Игловых, так что нам опять влетит. – Эдик нервно вытер пот со лба.– Представь, у меня Ленка вчера произнесла первое слово. А я тут сидел, Аленка позвонила, похвасталась.

–Что, сматерилась, как ты с утра?

–Очень смешно,– отмахнулся Эдик,– «мама» она сказала. Как будто меня и вообще нет,– в голосе просквозила явная обида.

–А ты есть, что ли?

–Заткнись, Юр, без тебя тошно. Ты холостяк, тебе хорошо. Вот женишься, тоже взвоешь, когда у тебя девчонка или сын пойдет, а ты будешь в это время по городу бегать, жуликов никому не нужных ловить. А потом детсад, школа, а ты будешь воскресным папой. И ни поигратся с ребенком, ни уроки с ним поучить. – Бернс вздохнул и вернулся к печатанию протоколов.

Когда идешь туда, приходится делать выбор. Туда – на пе-

редовую негласного фронта, могли бы пафосно сказать сотрудники отдела, если бы это им требовалось. Приходится отказываться от нормальной жизни и с опаской относиться к каким-либо отношениям. Здесь все четко и ясно до предела – сотрудник на работе, ему некогда, нет времени на семью, на хобби, на отдых. Семья нечасто выдерживает подобный расклад.

Соколовский засиделся допоздна, воюя с техникой, отказывавшей напечатать ему фототаблицу по Лихоткиной. Цветной принтер работал через раз, то и дело перезагружаясь, обычный принтер зажевал бумагу, и отказал. Пришлось идти наверх, в соседний отдел по Железнодорожному району и печатать у секретарши Ангелины. Она была толстушкой тридцати лет, вечно размалеванная и с картонной наклеенной улыбкой. Известно было о ней, что она детдомовская, не замужем, выходные проводит в ночных клубах, где напивается до бесчувствия. Это обычная проблема, пьют практически все. Так обеспечивается необходимый уровень цинизма и безрассудства при очередной встрече со смертью. Чаше пьют водку, она работает за машину времени. Напиваешься в пятницу, просыпаешься в воскресенье, как путешествовал судмедэксперт Семко. И пил он почти всегда в одиночестве, уставившись в противоположную стену. Спутники и собеседники не требуются, когда настойчиво пытаешься забыть очередную сводку из морга.

Вечером 26 марта Бернс добил своих Игловых, составив

десятистраничное обвинительное заключение по ч.1 ст.318 УК, то есть нападению на сотрудников полиции. Просидел он почти до десяти вечера, не желая оставлять дело на завтра. Зубры отдела уходили с работы в шесть, как и полагается, но пока что Эдику и Юре это и не снилось. К половине десятого Соколовскому позвонила Алена, кратко осведомившись, где обретается ее муж. Юрий хитро подмигнул напарнику, закрыв динамик телефона ладонью и выразительно проведя пальцем по горлу.

—Он, Алэн, у нас незаменимый, вот и вынужден задержаться. Долг зовет, сама понимаешь,— с наигранной бодростью сообщил ей Соколовский.

В динамике послышался истерический смех, Алена отключилась.

—Хана тебе, Эдик,— констатировал напарник. Ему повезло, он закончил дела к половине десятого, и уже собирался уходить. Дома нормально не был почти трое суток, только забежал пару раз перехватить неизменный «Доширак». Рвать-ся ему туда было особо нечего, просто по привычке хотелось увидеть родной угол. Хотя, ему казалось, что роднее уже стал его стол в продуваемом всеми ветрами ледяном кабинете у окна, за которым сейчас валил неожиданно вернувшийся в конце марта снег. И мечта жизни – отключить телефон, нет, выкинуть его в окно к черту, развалиться на старухином диване в гостиной, пока она торчит в поликлинике, и смотреть телевизор, вернее, дремать под его усыпляющее бормотание.

Сколько Соколовский себя помнил, он не мог посмотреть какую-нибудь передачу дальше половины, проваливался в сон.

6.

Наряд, в который входил Михеев, мотался по выездам трое суток подряд, дома он не был вообще. Далеко не каждый вызов криминальный, в дежурку звонят по любому поводу. А дальше выезжает машина, иногда к черту на рога. Если кто-то чихнул на улице, уже придется брать с него объяснение. Очень часто звонили ехать на трупы, кому-то стало плохо на улице, кто-то подолгу не выходил из квартиры, и по лестничной клетке пошла характерная вонь. Иногда приходилось таскаться по восемь раз за сутки. Вчера, например, снежная глыба рухнула с крыши дома на Интернациональной, под носом у отдела полиции, на проходившую мимо старушку, проваландались там до позднего вечера. Домой заскочил только перекусить, и обратно в машину, подальше от укоризненного молчания Лизы.

Михеев только что вернулся с очередного вызова: пьяный рабочий сорвался с крыши, на которой он чистил снег, и спиной напоролся на арматуру. В больницу увезли с компрессионным переломом позвоночника, тремя колотыми ранениями и большой потерей крови. Не факт, что выживет. Пока оформляли документы, выяснилось, что парень в строительной фирме «ИП. Круглов» не работает по трудовому договору, чисто на подработке за бутылку водки. А это означало, что к ответственности за нарушение техники безопасно-

сти работодателя не привлечь, и произошедшее спишут на несчастный случай. Материалы он писал полдня, пока они там возились, чистой воды отказняк. Это бесило, парень, в лучшем случае останется инвалидом, в худшем – займет место на кладбище. Здесь дороже человеческой жизни выступила бумажка трудового договора, чье отсутствие означало проигрыш оперативников. Нет бумажки, нет человека, нет проблем. Старая формула репрессии работала безотказно, теперь уже в новом воплощении.

Материалы проверки ушли в следственный отдел, после обеда Сашка забежал туда, застав одного Соколовского. Бернс уехал на труп, вернуться обещал к утру, и то вряд ли. Юра меланхолично сшивал материалы дела по Колосову, только сегодня выбив из своего принтера нормальную фототаблицу. Акт о смерти Надежды Лихоткиной продолжал формироваться в недрах морга, не желая выныривать на поверхность. Он уже дважды звонил туда, но врачи – психи еще хуже оперативников, их выбешивает любое неосторожное движение. Медсестра на линии долго и занудно высказывала следователю суть ее мыслей о нем, параллельно ругаясь с кем-то по ту сторону трубки. Шить он не умел категорически, до сих пор держа перед носом помятую потрепанную схему прошивки материалов. Нитка то и дело застревала, он колол себе пальцы, возмущенно шипя. На открывшуюся дверь следователь метнул свой самый в кавычках добрый взгляд потревоженного крокодила.

– Нашел пистолет? – Соколовский мрачно сверлил друга красными от напряжения глазами. Похоже, его заклинило. В отличие от Сани, еще успевавшего бывать дома, следователю в пору было перетаскивать в отдел свою тахту и холодильник и селиться здесь. С утра пришел еще материал о нападении участкового оперуполномоченного на какого-то старика на улице, полная брехня, но и ее надлежало проверить. И звонить маразматичному пенсионеру, и еще извиняться.

– Я обшарил в поисках следов весь «Ноев ковчег», никто не в курсе, откуда у них на помойке отыскался пистолет. Значит, его там не могло быть. – Юра методично загибал пальцы на правой руке. – В речке его тоже не было, Колосов врет, а предъявить ему пушку я не могу. Ручаюсь, оружие спрятано у каких-нибудь его дружков, а он упорно твердит, что выкинул его в Барнаулку. Сегодня мурыжил полтора часа мамашу Лихоткиной, она назвала наконец трех его собутыльников, вызвал на понедельник всех. На обыски никто не согласен, придется ехать в суд и просить постановления. – Соколовский раздраженно хлопнул ладонью по столу. – Спасибо, Сань, ты мне еще счастья добавил с этим Кругловым, он только что отсюда вышел.

– Раскололся?

– Притащился с адвокатом, твердит, как попугай статью 51 Конституции, мол, не станет свидетельствовать против самого себя. Потерпевшего твоего в упор не знает, у него таких на заработках сезонных табуны ходят. Адвокат обещал

жаловаться прокурору, непонятно зачем. Был утром в больнице, допросить потерпевшего Зиновьева нет никакой возможности, он в коме и может из нее не выйти. Тупик, Сань, через трое суток буду писать постановление об отказе. – он развел руками. – Самого бесит, понимаю тебя. Эта крыса ухмыляется и отлично знает, что ему ничего не будет, максимум штраф, и то адвокатишка его отмажет!

–Обидно, Юр, – щелкнул языком Саша. –мы с тобой, как бараны, уперлись в бумажку, и ничего не можем сделать. Как головой об лед. Ну давай, я домой поеду, на сегодня вроде отпросился. С утра мы тебя ждем, имей совесть, столько зову, а все некогда! Лиза на тебя рассердится, пеняй на себя!

–Приеду ради Лизы,– следователь улыбнулся,– передавай ей привет. Ну и ради халявной еды тоже, ты же меня знаешь!

Михеев кивнул и умчался к машине, балдеть в вечер пятницы. Хотя еще рабочий день не кончился. Следователь отрезанно уставился в ноутбук. Отказной по Зиновьеву грыз его не хуже голодной крысы. Но прыгать выше головы не хотелось. Как и лишний раз связываться с начальством. Наконец, Соколовский, что-то для себя решив, резко сгреб материалы по Круглову и отправился на второй этаж, к шефу следственного отдела, всесильному Аркадию Ивановичу Комарову. Тот помещался в отдельном кабинете, что уже считалось за роскошь. Кабинет был обычный, черное пухлое кресло из кожзама, герб России над ним на стене, там же портрет президента, жалюзи на окнах и куча бумажек на столе. Се-

мейных фотографий шеф не хранил на работе из принципа, коих у него было до небес. Замначальника Мезенцев с утра уехал, Комаров сидел, упершись взглядом в монитор ноутбука, изредка что-то подчеркивая и переписывая в блокноте. Его стокилограммовая туша вольготно развалилась в кресле, выражая относительно благодушное настроение.

– Аркадий Иванович? – Соколовский вошел в кабинет шефа, положив тому на стол кипу листов по Круглову. Тот мельком проглядел бумаги и удивленно поднял голову.

– Чистый отказник, пиши постановление, что мне тебя учить, – проворчал он.

Соколовский подал ему бланк постановления о продлении срока проверки до 10 суток.

– Аркадий Иванович, слишком там все просто получается. Не успеваю в трое суток уложиться, скорее всего буду возбуждать дело по ст. 143 УК, нарушение охраны труда, – отрезал следователь. – плюс иск о компенсации материального и морального вреда. Работодатель вину не признает, как дурак ссылается на 51 статью Конституции. Потом выпишу постановление об обыске на территории фирмы, буду искать документы хоть какого-то договора с потерпевшим.

– Прицепились вы к этому алкашу. Сначала ко мне врывается Златопольский и требует отстранения от дела, кстати, твоей персоны, теперь ты собираешься обшаривать фирму в поисках испарившегося договора. – вздохнул Комаров, сверкнув стеклами круглых очков. – Нарушения нет,

договор не был оформлен, по сути, рабочий фирмы притащил своего знакомого и попросил помочь почистить крышу, только и всего. Как уже выяснилось, роспись в тетрадке по технике безопасности он поставил, так что формальная сторона соблюдена. Родственники потерпевшего – алкоголики, заявление они готовы забрать, иск предъявлять не будут. Пиши отказную и закрывай материал. Это не наши проблемы.

– Да ну? – Соколовский презрительно ухмыльнулся. – У меня человек лежит в коме в больнице, а я должен сказать его родственникам, что так и нужно, что ли?

Соколовский сам чувствовал, что его понесло, но остановиться не мог. Сдерживаемое раздражение распирало его изнутри. Сказывалась давняя усталость, у него так стучало в висках, он едва ли не шатался.

– Юр, не горячись, – оборвал его шеф. – Это глухарь, Круглов нам ничего не скажет, а этот адвокат только вони лишней добавит. Если так хочешь, можешь еще раз позвать Зиновьевскую жену и объяснить ей, как подать иск на компенсацию материального вреда, но в суде у нее шансов мало, сам понимаешь.

– И в итоге, мне спустить дело на тормозах? Ну нет, там же явно нет никакого инструктажа, нет даже банальной страховки.

– Кому они нужны, твои алкаши, их еще страховать, ты сам-то представляешь? – хохотнул Комаров. – Я твое постановление подписывать не буду, дело возбуждать не разре-

шаю. За твою же шкуру волнуясь. Потому что тебе, как следователю, не нужна скверная статистика раскрываемости. Ты идеалист, Соколовский, а я реалист. Зиновьев работал на фирме за бутылку водки, он случайно сорвался с крыши, никто тут не виноват. Это несчастный случай.

—Может быть, я идеалист,— нагло отозвался Соколовский.— но я банально не смогу сказать Анне Зиновьевой, что закон здесь бессилён. Только продлите мне сроки, дальше я сам управлюсь. — теперь в его голосе зазвучала плохо скрытая мольба. Это было его слабостью, он и сам прекрасно осознавал. Нельзя принимать каждое дело слишком близко к сердцу, надолго тебя не хватит. Но Соколовский здесь шел на принцип, не признавая отступления, и втайне гордился собой в подобные минуты. Он немного, судя по всему, бравировал своей щепетильностью в вопросах, касающихся работы, с большим трудом признавая собственные ошибки.

Комаров своего подчиненного уже успел изучить, и видел, что если уж тот вбил себе что-то в голову, отговаривать бесполезно. Он молча скомкал бланк постановления о продлении срока проверки сообщения о преступлении и выбросил его в пластмассовое мусорное ведро.

Шеф видел, что у следователя банально сдали нервы, того трясло от перенапряжения, но это было начальнику только на руку. Соколовский пришел к ним в отдел в начале года, вернувшись из Косихи, где отработал два года в дереве за счет традиционной прогонки в периферию. И за это время

своими выходками успел достать всех. Он пахал как конь, нужно было отдать ему должное, и дела раскрывал в рекордные сроки, но дерзил, как мальчишка, только пришедший после юрфака. Он не знал меры, нужно было приструнить зарвавшегося выскочку. Откровенно говоря, Комарову было жаль своего подчиненного, столь наивного. Впрочем, это только его проблемы, пусть сам в них и роется. Так что Комаров со снисходительной усмешкой проводил вылетевшего из кабинета Соколовского.

Вечером Юра, как и обещал, приехал к Михеевым. Дома, на съемной квартире, его ждала только лапша и начатые пресервы. Начатые неделю назад, там, наверно, уже плесень оплела весь холодильник, домовладелица опять будет ворчать. Пока он обдумывал варианты бегства от Маргариты Игоревны и ее воспоминаний о развале советской власти и подлости пресловутых американцев, ему открыла улыбающаяся Лиза, их однокурсница в прошлом.

–Юрка, блин, даже не предупредил! – засмеялась она, втаскивая гостя в дом.– Мы тебя только завтра ждали, извини, я не при параде. Заходи, не стесняйся.

Выглядела она потрясающе, даже сейчас в простом темно-зеленом махровом домашнем халате. Длинные волосы небрежно были заколоты в пучок, на босых ногах были шлепанцы. Глупые шлепанцы с какими-то бело-розовыми щечками. Хотя Лиза предпочитала серьезность, не иначе Сашка подкинул подарочек. Приколы в их компании были

по его части. Она стояла перед ним в светлом проеме двери, пока он мерз на холодной лестничной клетке. Секунды две, не больше.

–Ты обворожительна, как и обычно,– шутливо отпарировал он, входя в теплую уютную квартиру. Небольшая однушка была оклеена серыми обоями, отливавшими серебром, в закутке притаилась светло-зеленая кухня. На плите шкварчала поджаривающаяся картошка, там же закипал чайник. Семья собиралась ужинать. В крохотной гостиной на узком диване сидел Саня, тоже только что приехавший, задним фоном гудел телевизор. Лиза обожала зелень, но цветы было просто некуда ставить, так что единственным растением служила маленькая шеффлера на подоконнике, спрятанная за светло-серыми занавесками. Свое гнездышко девушка обустроивала долго и со вкусом, гоняя мужа по магазинам в перерывах между выездами и задержаниями. Иногда, стоило ему завалиться на диван в предвкушении сна, она нависала над ним, расспрашивая про узор на плитусах. В этом случае у Сашки была отработанная система, он обезоруживающе улыбался и лез к ней с поцелуями. Если не срабатывало, тыкал пальцем в первый попавшийся плитус. Иначе лучше было притвориться мертвым, потому что Лиза загоралась желанием ехать прямо сейчас в магазин и выбирать еще кучу вещей для ремонта. А прямо сейчас обычно бывало часа в два ночи, что самое обидное.

Теперь ремонт только-только был завершен, в комнате бы-

ло довольно свежо из-за приоткрытого пластикового окна. Внизу был дворик с покосившейся березой, дальше автобусная остановка. Единственным украшением стены была фотография со свадьбы Саши и Лизы. Праздновали в июне 2014 года, перед уходом Сашки в армию. Устроили тогда скромные посиделки. Родню не пригласили, некого было приглашать. Старики умерли у обоих, так что присутствовали только Юра и сослуживцы Саши. Еще один закуток, именовавшийся спальней, занимала кровать и шкаф, в котором хранились вещи всей семьи. Стиральная машина стояла рядом с плитой, шкафчики на кухне были набиты доверху. В нише стоял маленький холодильник, сбоку была ванная, вот и вся обстановка.

–Картошка с мясом, – мечтательно протянул Соколовский, падая на диван, даже не сняв промокшую под дождем куртку. На диване наверняка останется темное пятно, в случае чего Лиза его убьет за это. Как же приятно расслабиться и избавиться от созерцания намечающейся лысины Бернса за столом напротив. И Бернс и Коргин обещали облысеть, прямо эпидемия. – Лиза, я тебя обожаю!

–Ох, ну ты и гнусавишь,– всполошилась девушка. – Вторую неделю к врачу не идешь, я же тебя просила, ну что ты за человек!

–Извини,– он шутливо поднял руки вверх,– некогда. Вот развяжусь с делами и уйду в отпуск. Лафа будет, с тахты не встану целую неделю! – Он вытянул длинные ноги почти на

середину комнаты, к телевизору, транслировавшему одну из частей «Рэмбо». Телик был сейчас во власти Сани, Лиза бо-евики терпеть не могла, уверяя, что сама ежедневно на работе сражается с кучей полусонных студентов не хуже американского суперсолдата. После окончания универа она пошла в аспирантуру, оставшись на кафедре гражданского права, общую часть которого теперь и вела. Гражданка для большинства студентов ассоциировалась с горькой редькой, китайскую грамоту кодекса переваривать никто не хотел, и Лизе оставалось жаловаться пустым стенам ввиду постоянного отсутствия мужа. В редкие его появления дома, предпочтение отдавалось не ей, а Сильвестру Сталлоне и гонкам «Формулы -1», как, например, теперь.

Сейчас Лиза силком заставила старого друга пить кипяток, укутав его в одеяла. Тот для приличия сопротивлялся, уверяя, что почти вылечился. Хотя красные, как у голодного вампира, слезящиеся глаза говорили обратное. Сидеть в одеяле нормально Соколовский не мог, ему обязательно нужно было завернуться в махровый тонкий плед как в мантию, и взгромоздиться чуть ли не на батарею верхом. Сашка, уплетавший картошку с мясом, откровенно ржал, глядя на страдающего приятеля.

–Все, попал ты, Юра, она не успокоится, пока тебя не вылечит. Или не залечит.

–Кстати, Лиза, отличная стрижка! – Лиза вспыхнула от невольного смущения. Она распустила перед зеркалом во-

лосы, еще влажные после душа и торопливо расчесывалась. Большие, темно-зеленые глаза неожиданно сверкнули.

–Ты не меняешься, Юрка,– грудным голосом произнесла она,– все тот же подхалим. Сашка, вот ты почему не заметил мою прическу, а? Посмотри, даже наш трудоголик в последней стадии увидел очевидное!

–Спичка, ну прости, замотался, виноват– Сашка притянул жену к себе, она звонко засмеялась.– Я прощен? Ну, скажи, что я прощен?

–Да куда ты денешься,– Лиза великодушно разрешила себя поцеловать. Соколовский ткнул друга в бок.

–А я говорил, Саня, быть тебе подкаблучником, так и сбылось. То ли дело я,– насмешливо заявил он,– никто мной не командует, хочу, прихожу домой, хочу, торчу на работе до утра!

Друзья согнулись наполовину от смеха. В университете они даже дрались бывало из-за Лизки, тогда первой красавицы курса, отшивавшей парней направо и налево. Они заключили тогда пари, и Сашка уверенно его выиграл. Он проходу не давал Лизе, нагло отбивал ее у подруг и уводил гулять по вечернему городу. В любую погоду. Юрка дарил ей цветы, практически на всю стипендию, и приглашал в кино. Она металась, реально не зная, что ей делать. Встречаясь втроем, парни буквально проверяли, кто из них сможет получить ее. Но Лиза выбор сделала практически сразу. Только признаться боялась.

Тогда, на выпускном. Торжество закончилось к трем часам дня, народ начал расходиться. Они, только что закончившие магистратуру, убежали подальше от праздника под раскидистые тополя, полыхавшие майской пьяной зеленью под огнем солнечных лучей. Солнце было повсюду, в лужах, оставшихся после вчерашнего дождя, в парном воздухе пыльного города, в бликах слепых окон возвышавшихся слева многоэтажек, сбоку от которых примостилось кафе «Гранмулино», дорогущее и не особенно вкусное.

–Ахаха, Сашка, не догонишь! – смеялась Лиза, и снова отбегала, подобрав полы слишком длинного ей темно-изумрудного платья. Цвет дико шел ее разбросанным по плечам темно-рыжим волосам и большим зеленым глазам, искрившимся солнцем. Сашка сломя голову мчался за ней, наперегонки с Юркой. В какой-то момент они чуть не столкнулись на узкой дороге к корпусу универа.

–Отойди, Юра, – выпалил Михеев, – она меня любит!

–А детей от меня рожать будет, понял! – отрезал Соколовский. Черные глаза скрестились с темно-серыми. Сашка холодно улыбнулся и побежал за Лизой, остановившейся поодаль, и с интересом наблюдавшей за ними.

–Лиза, ты все же выберешь или нет, с кем в ЗАГС пойдешь? – крикнул Юрка ей. – Мы за тебя порвем друг друга, а тебе все мало?!

Лиза остановилась на прогалине, залитая щедрым майским солнцем, окрасившем ей волосы в цвет темной бронзы.

Она после бега тяжело дышала, дрожа до кончиков пальцев, но ухитрилась улыбаться. Оба парня подошли к ней с разных сторон, внешне посмеиваясь, но в то же время раздраженно сверля друг друга взглядами.

—Ну что, Лиза, хватит тебе тешиться,— проговорил слегка запыхавшийся Соколовский.

—Извини, Юра,— девчонка опустила глаза в землю, невольно придвинувшись к Саше.— мы с ним уже заявление подали. Вам в армию через месяц, а свадьба будет за три дня до проводов. — она через силу улыбнулась.

—Такие дела, Юрка,— усмехнулся Михеев. Тогда его соперник прочел в улыбке откровенную самодовольную усмешку. — Но я надеюсь, что нашей дружбе это не помешает? — он посмотрел на приятеля в упор.

—Конечно нет,— улыбнулся побледневший Соколовский. — я правда рад за вас. Лиза, отличный выбор! Только ты уж не испорти мне друга,— шутливо пригрозил он ей.

—Да ладно тебе,— с явным облегчением вздохнула Лиза, невольно зардевшись. Ей дико шло, когда она смущалась, сразу проступали малозаметные обычно ямочки на щеках. Впрочем нет, ямочка была только на одной щеке, из-за этого Сергеева жутко комплексовала и считала себя дефективной. На первом курсе даже улыбаться боялась, не хотела, чтобы смеялись над ямочкой и кривоватыми зубами. А Сашку это заводило с полоборота.

Служить им выпало в одной части под ЗАТО «Сибирь-

ский». За три дня до отъезда была свадьба, на которой Соколовский, неуклюже улыбаясь, вел счастливую невесту к алтарю. А она спотыкалась и боялась, что будет выглядеть некрасиво. Это, похоже, была ее фишка – бояться. Она часто твердила, что боится всего на свете, комаров, тараканов, пауков. И висла на Саньке, робко улыбаясь свалившемуся на голову счастью. Пара смотрелась потрясающе, Лиза в легком белом платье, слишком скромном для свадебного, но большего и не требовалось, и Саня в отутюженном черном костюме с белой розой в петлице. Впервые, кажется, за все годы университета Юра видел его не в помятой серой ветровке и джинсах. Друзья смеялись и подкалывали друг друга вплоть до проводов на вокзале. Но старая присказка все же права. Никому не пожелаешь попасть в качестве гостя на свадьбу любимой девушки.

Через год она ждала их на вокзале. Такая же светящаяся и нервно постукивавшая ногой в предвкушении встречи. Она писала Сане каждые три дня, в увольнительные его было не оторвать от нее. От армии он не откосил, сам вызвался и она его полностью поддержала. Из поезда первым, согнувшись в три погибели, вылез Юрка, с черной спортивной сумкой «Адидас» наперевес. Лиза метнулась было, но, увидев его, только радостно улыбнулась. Потом на платформу прыгнул Саня, шурясь от залившего перрон яркого солнца. Он даже осмотреться толком не успел, как подвергся неожиданной атаке. Лиза повисла на шее Сашки, который совсем оторо-

пел и только молча сжимал в руке позабытый букет роз. Соколовский тогда пошел ловить попутку, влюбленные голубки были слишком оторваны от жизни для этого. Вечером он напился в какой-то забегаловке, случайные дружки прихлопнули его домой, он проспал все выходные, завернувшись в одеяло, наедине с раскалывающейся головой. Потом стыдно было смотреть на окружающих людей. Кажется, из квартиры его тогда выгнали как раз по этой причине.

Смех Лизы вытащил Соколовского из задумчивости.

–Юра, выйди из нирваны, картошка стынет! – на него смотрели все те же огненные зеленые глаза. На минуту ему стало жарко от всех этих дурацких воспоминаний и смущение нахлынуло по-настоящему. Хорошо, что девушка, по видимому, отнесла его пылающие щеки на счет обострившейся сильной простуды.

Следователь предпочел спрятаться за ужином. Все же в гостях бывать хорошо, тут кормят до отвала, и ты не должен сам думать, где достать еду.

–Саня, я тебе завидую чернейшей завистью,– весело проговорил он,– ты отхватил себе шеф-повара. Обожаю твою картошку, Лизка!

–Это мое фирменное, ты же знаешь,– засмеялась польщенная хозяйка дома. – И кстати, ты вырвешься к врачу или нет? Ты же весь горишь, и чихаешь каждые две минуты, вон глаза какие красные.

–Бесполезно, Лиз, я ему это неделю долблю,– хохотнул

Саша. – Он же фанатик, ночует на работе.

–Домой неохота,– парировал тот, снова чихая,– там только «доширак».

–А ты женись, сразу жизнь наладится, домой бежать будешь! – поддел его приятель.

–Не нашел еще такую, как у тебя. А Лиза у нас одна, так что я предпочту холостяцкую свободу. Кстати, поздравьте меня,– саркастическим тоном добавил он,– мы сегодня крепко погрызлись с Комаровым из-за твоего Зиновьева, Саня, и его прав человека. Наш дорогой шеф пригрозил отстранить меня от дела, если и дальше буду рыпаться. Придётся писать отказную. Сил нет смотреть в заплаканные глаза его жены! – в последних словах явственно прозвучала горечь.

Саня, мягко говоря, оторопел.

–Я пойду, чай приготовлю,– Лиза оставила друзей наедине. Они вышли покурить на лестницу.

–Давай, старик, выкладывай. – Сигарета Михеева сверкала красным угольком в сумеречной темноте лестничной клетки. За окном повисла синяя мгла, в которой горели огни окон соседних многоэтажек. Неподалеку ярко пылала ночной подсветкой церковь, нет, целый храм. Сашка считал его апофеозом бесполезности. Приходится согласиться с группой «Сплин», бог просто устал нас любить. И ушел в отпуск. Иначе он бы озаботился, почему по миру разбросано столько криминальных трупов. Своим любимым аргументом Сашка убивал спорщиков наповал, вообще, спорить он любил. И не

успокаивался, пока его правоту не признавали.

Юра вкратце изложил ситуацию.

– Комаров на меня и так косо смотрит, а тут я к нему пришёл, как дурак, и рассказал свой план по делу Зиновьева. Там не за что зацепиться, максимум, подать иск о компенсации вреда, и то большая вероятность, что он заглохнет. Еще нужно закончить с Колосовым и Болдыревым. Три дела и восемь отказных на мне, и столько же у Эдика, просто блеск! – раздосадовано закончил он.

–А потом куда? Опять будешь переводиться из-за неладов с шефом?!

–Я же перекаати-поле,– грустно улыбнулся Соколовский,– поеду в Новосибирск, попробую устроиться там. Где наша не пропадала.

–Дурак ты, Соколовский,– проворчал Саша,– вечно на рожон лезешь. Тогда чуть из универа не выгнали, теперь здесь. Сам же страдаешь от своей принципиальности.

–А лучше на кухне начальство ругать, а при них молчать?! – это был удар в сторону Сашки, он понял укол. Михеев действительно предпочитал не сталкиваться с руководством, а просто делать свою работу. Он тоже хотел гореть после универа, но за его спиной была семья, этим он себя оправдывал. Ему было что терять. А Юрка, у которого родители умерли еще раньше, чем у него, патологический одиночка, мог грызться с кем угодно, толку от этого не было. Глупо получилось, но это, в конце концов, его проблемы, и

он это знал.— Давай, Сань, пока. А то еще заражу гриппом твою Лизу, да и тебя. Спасибо за ужин! — Он шутливо козырнул и побежал вниз по лестнице.

—Ну что, он хочет уехать? — взволнованно спросила Лиза.

—Так точно. Опять сцепился с Комаровым, тот уже не стерпел, как в прошлый раз.

—Дурак,— уверенно заявила Лиза.— ты только на такое не пойди.

Саня впервые остро ощутил себя реальным подкаблучником. На мгновение он почувствовал, как в груди вскипает бешенство. Будь он послабее духом, наверно, он захотел бы ее ударить, заставить ее замолчать. Михеев отмел лезущий в мозг бред, раздраженно тряхнув головой.

—Я с радостью бы сделал так же,— холодно отчеканил он.— Киселев меня тоже достал. Только я вот чувствую себя трусом, я не смогу на такое решиться.

—Ты не трус,— жена осторожно развернула его к себе, попытавшись успокоить поцелуем. Он нервно высвободился. Она нежно провела рукой по светлым коротким волосам мужа, это обычно его расслабляло.

—Лиз, не сейчас.

—Ты не трус, — повторила она.— глупо постоянно нарываться и пытаться пробить головой стену. Глупо спасать тех, кому это не нужно. Мне его жалко, он на самом деле фанатик. Почему он просто не может промолчать?

А сколько мы будем молчать? Сколько нас будут гонять

по всем углам и притонам и вытирать об нас ноги? Сколько нам нужно бороться за свои права, одновременно пытаясь еще защитить других?! Они работают, поминутно опасаясь попасть под сокращение, а в небольшом городе, повязанном на блате, потеря работы означает пьянку и провисание в жизни. Ими помыкают, как собаками, а на их права начальству плевать. Все цепляются за работу, за деньги, за место. Рвут глотки друг другу. До тошноты.

Наверно, Саше очень хотелось бы так спросить, но это означало бы начало вечного тяжелого разговора. В его сторону был один упрек, обычный для оперативника – постоянное отсутствие. Лиза, которая сама работала преподавателем на универсской кафедре гражданского права и пропадала допоздна на лекциях и семинарах, готова была ждать, но и ее терпение заканчивалось. Пока она делала ремонт, готовила, убирала, стирала, бегала по магазинам в поисках еды и обновок для мужа, Сашка мотался по вызовам. В любую погоду, днем и ночью. Занимался чужими жизнями, забросив куда подальше свою. В глубине души Лиза ловила себя на мысли, что ей это уже надоело. Она прельстилась романтикой, стала женой офицера, а что это принесло в итоге?! Постоянное ожидание, редкие встречи и снова ожидание.

Даже на любовь не хватало времени, она словно растворялась где-то в быту. А дети? Она не хотела их заводить, боялась. Зачем, если и он, и она торчат на работе, с ребенком будет тупо некому сидеть, а отдавать в ясли очень дорого.

Тем более в детсад, в который очередь на полтора года. Получалась очередная глупость. Если бы встал вопрос о любви, осталась ли она вообще? О ней и думать было некогда, работа, дом, работа, сон, еда, опять сон. И все. Лиза хотела пожить для себя, ей надоело видеться с подругами раз в три месяца. И подруг-то не было, так, знакомые. Черт, она в кино в последний раз была в июле, когда Сашка вытащил ее на «Отряд самоубийц», где она чуть не заснула. Тупой скучный боевик без малейшего намека на смысл. Зато с перестрелками и гонками, от которых Саша, конечно, балдел, а она торчала рядом, как бесплатное приложение. Он привык смотреть на нее, как на неотъемлемую часть дома, привык, что приезжает на все готовое, ест и вырубается, а ее это бесило. Они в лепешки расшибались и от этого съезжали с катушек напрочь. Ну ладно, может быть она и накручивала.

Сашка невольно завидовал Соколовскому, он хотя бы действительно вольная птица. Вот только зачем ему это? Юра может сказать в лицо начальству, что хочет и вылететь с очередного места работы, а он куда пойдет с семьей на шее? Гордость приходилось давить в себе, запихивать ее куда подальше, чтобы ненароком не выдать свое раздражение. Сашке необходима была эта работа, кровь из носу, потому что иначе он оказался бы на улице. С трудом ему удалось взять в ипотеку квартиру, Юра вообще снимал комнату, и выплачивал кредит за машину, уже до него не раз побывавшую в авариях. Тупик, в итоге, получался везде.

7.

Ночью Сашу снова дернули на вызов. Чкалова, 78, первый подъезд. Он собирался быстро, боясь разбудить спящую Лизу, только обуваясь, в темноте, опрокинул какую-то коробку и поскорее сбежал. Едва дверь закрылась, Лиза открыла глаза, невидяще уставившись в темноту. Его опять вызвали, и он сорвался, плевав на нее. За время совместной жизни она так и не могла понять, что так манит его на работу, какой чертов долг мужу важнее, чем она? Вопрос был один, а ответа не было вовсе. При попытке разговора Саня срывался, начинался скандал. Заснуть не удалось до утра.

Распластанный на асфальте труп совсем молодой девчонки потерял сходство с человеком. Иногда в книгах для усиления театральности пишут, что ее кровь и мозг брызнули на камень из расплющившейся головы. Интересно, что бы подумал такой писатель, доведись ему это увидеть? Не самое приятное зрелище, уж поверьте. Смерть не бывает красива, ей не нужны пространные описания и излишне громкие речи, она предпочитает тишину. Нас, её бесстрастных хотя бы внешне санитаров, не волнует, не должно волновать зрелище тощего подросткового тела, асфальтом превращенного в рагу, поймите горечь нашего цинизма. Но мы обязаны выяснить, что творилось в мозгу до этого.

Возле девушки толпились врачи, всхлипывала какая-то

женщина, видимо мать. И даже в половине третьего утра, кругом суетились зеваки. Это бесплатное шоу, спектакль на потеху почтеннейшей публике. Сейчас, сидя на корточках возле тела и пытаясь собрать хоть немного вразумительной информации, Саша и сам ощущал себя клоуном, играющим на унизительно дешевых подмостках. Верным арлекином, смешавшим дорогих гостей. Некогда было думать по стандарту о том, что дома его ждет уютная жена, а он обязан мерзнуть здесь, что девочка – очередная дура, потому что явно перед ними классика суицида. Некогда, но непрошенные мысли толпой лезли в голову. С отдела на выезд дернули Эдика Бернса, который стоял теперь, как коршун, над криминалистом Лебедевым, зевавшим и протиравшим глаза. Тер почему-то только левый. Лебедев почти силком притащил растрепанную, захлеб рыдающую женщину. Михеев, откровенно говоря, робел перед таким горем и остро чувствовал собственное ничтожество.

– Зачем она так? – наивно, с почти детской обидой спрашивала у снующих вокруг манекенов женщина. Простоволосая, наспех закутавшаяся в какой-то серый платок, замерзшая, она, как заведенная, металась от одного оперативника к другому, заглядывая им в глаза, и чего-то не находя в них. Может быть, сострадания. Она внезапно застыла на месте, расширенными глазами впившись в лужу на асфальте, на тонкую корку разломанного льда на талой воде. И осеклась, не находя ответа, в полуобмороке осела на мокрую грязь, не

замечая поддерживающего ее за локоть Саню. – Вы не думайте, я не сошла с ума, я просто не понимаю, не понимаю – голос сорвался в шепот.

– Как ее звали? – пробормотал Михеев, теряя остатки хладнокровия. Допрашивать должен был Бернс, но он уже сорвался, раздав им всем поручения, а сам уехал. Отчасти поэтому оперативник не слишком любил следователей, ездивших на них, считая их наглыми выскочками, норвящими показать служебное рвение. Теперь отдуваться и утешать Татьяну Курцеву, как ему сообщил фельдшер с только что уехавшей с трупом скорой, придется ему. Но разве сможешь тому, кому плевать на любую помощь?

– Женя– наконец ответила женщина. Сейчас она была способна давать только односложные фразы, Михеев приготовил папку с бумагой, чтобы писать черновик объяснения. Лист А4 помялся, пришлось торопиться, разглаживать его на колене. Впопыхах, он его еще и порвал, достал новый. Женщина на его действия не реагировала, щурясь на мигавшие огни полицейской сирены.

–Она училась здесь? В каком классе? – он заговорил с напором, пытаясь немного встряхнуть женщину, заставить ее отойти от шока. Его еще нет в полной мере, она еще не верит, не осознает, боится осознать до конца. Как застреленный на поле боя солдат, который машинально продолжает бежать, пока не запнется и не упадет, уже после смерти разбив лоб о комья пыльной земли. В такие минуты Саша готов был про-

клясть себя. Солдат, оперативник, стальные нервы, железная душа, а что в итоге? Судьбу, Бога или кого там еще, не обманешь показной твердостью.

Татьяна отвечала механически, как попугай, словно твердая кем-то написанные заученные фразы. Но именно сейчас их нужно было выдернуть из неё, иначе одной смертью дело бы не обошлось. – Она сейчас в восьмом классе.

– Она отличница или хорошистка? – в тон ей спрашивал оперативник, начиная уже приплясывать от холода. Женщине было, похоже, все равно. Он предложил ей пойти в патрульную машину, обругав себя, что не додумался раньше. Яркие огни ночного города слепили и раздражали.

– Училась Женя всегда легко -бесстрастно говорила мать–до восьмого класса была хорошистом потом пошли тройки.

– А с классом как было? Не обижали?

Женщину неожиданно как прорвало, она затараторила резким надтреснутым голосом.

– Она не такая, как они. В ней была стеснительность, нерешительность, даже некая забитость, одноклассники периодически обижали, видимо чувствуя слабохарактерность и некоторую душевную слабость. В декабре 2015 года Женечка резала себе вены из-за обид одноклассников, но скорую мы не вызывали, я сама перевязала ее, это никем зафиксировано не было.

– А этот год? Ей было лучше, она хоть попыталась найти себе друзей?

– Да, -мать сухо кивнула. Первоначальный срыв прошел, ненадолго уступив место апатии и упадку сил. Красные, заледеневшие руки бессильно лежали на коленях. – С осени ребенок стал сильно меняться, в ней появилась решительность, активность, общительность, дочь стала легко находить контакты с людьми проявлять инициативу в общении, хотя раньше для нее было просто проблемой первой заговорить, нападки одноклассников прекратились. Один раз дочь даже одна пошла на рок концерт. Резкое изменение поведения Жени меня пугало.

– Это естественно, вы волновались за неё, – терпеливо проговорил Михеев, – может, выпьете еще воды? – она замотала головой. Жизнь вступала в свои права, Татьяна, сама ещё не старше тридцати пяти, остро ощутила холод, ощутила свою незащищенность перед сидящим напротив абсолютно чужим ей оперативником, и едва не разрушалась вновь от собственной беспомощности. – Постарайтесь не так волноваться, Татьяна Алексеевна, я знаю, как вам больно говорить, но мы с вами обязаны сейчас это выдержать. У Жени были подруги, она дружила с парнями?

– Из подруг своей дочери за последний период я могу назвать Гюнтер Соню и Келлер Сашу. Про Гюнтер Соню я ничего плохого сказать не могу. Про Келлер дочь говорила, что она «навязчивая и депрессивная», один раз я застала дочь с запахом алкоголя и она призналась, что выпивала вместе с Келлер, это было примерно в ноябре прошлого года. Тогда

Женька стала пить. Я считаю, что она очень хотела выглядеть взрослой. И волосы красила в этот дурацкий черный и пирсинг сделать мечтала.

– А молодые люди ей интересовались?

– Да– неприязненно отозвалась мать. – прошлой весной был молодой человек, Чумаков Вовка, насколько знаю, они познакомились на рок -концерте. Женька– тут она снова расплакалась, прерывистой всхлипывая– я договорю, не беспокойтесь. Она сама рассказала мне про него, пояснив, что он рок-музыкант, показала профиль «В контакте».

–Он издалека?– черт, говорит, как робот. Нужно успеть, пока не началась настоящая истерика. Можно сказать, что объяснение он с нее сейчас брал зря, потом все подошется к материалам дела и переправится в отдел. А там следовательно опять ее вызовут, спросят то же самое, еще раз запишут в материалы то же самое и выпишут постановление об отказе. Суициды не так редки, и обычно это отказной материал. Никому не охота копаться в голове очередного забитого подростка, свихнувшегося на несчастной любви. Или на школьной травле. Плюс мать– одиночка, мотающаяся между двумя работами, забившая на ребенка, стандартный сценарий. Жизнь нечасто преподносит сюрпризы, предпочитая разыгрывать по нотам одно и то же. Но от этого, от своей затасканности, сам факт суицида не становится менее ужасным.

– С Новоалтайска. Я была против этой дружбы, так как чувствовала, что парень значительно старше и ему нужен от

дочери прежде всего секс, чего тот пытался всячески добиться, я видела электронную переписку с ним дочери, он буквально тянул ее к себе в Новоалтайск. Потом он ее бросил, и она наглоталась таблеток. Я сидела у ее постели в больнице, она плакала и шептала, как написала тогда Чумакову, что выпила таблетки, хотела отравиться, он же написал ей в ответ: «Ты такая трусливая и сделать с собой ничего не сможешь!». Я сама видела эту переписку, дочь показывала ее мне.

Шариковая ручка у Михеева накалилась и намокла от пота, пока он еле поспевал за нервными выкриками матери самоубийцы. В голове уже стояла картина завтрашней, нет, теперь сегодняшней, грызни с начальством из-за пары их подписей. В отдел ты был обязан являться при галстукке, в форме, с жетоном сотрудника. Это чуть ли не протоколировалось, а на людей, в итоге, времени не оставалось. Времени ни на что не оставалось! А надо было гнать вперед.

– В декабре дочь привели в полицию в связи с употреблением алкоголя, задержали ее на улице, выпивала с Келлер Александрой. В итоге дочь поставили на учет в ОДН отдела полиции №5. -бубнила себе под нос женщина, позабыв про оперативника. – В феврале Женечка познакомилась с Захаровым Славой– тут Михеев остолбенел, услышав про своего напарника, Славка Захаров участковым уполномоченным, как раз пару недель назад Юрка его пилил по факту проверки нападения Славки на какую-то старуху, она и накатала заявление. В итоге выяснилось, что взбесившаяся со скуки ба-

буся сама вмяла худого и маленького Захарова в снег – они стали дружить, она рассказала про него, что он добрый воспитанный, не унижает девочек, ей с ним хорошо. Один раз я видела их вместе на улице, вроде хороший парень.

Неделю назад я увидела, что дочка опять плачет, я поговорила с ней и она сообщила мне, что Слава вновь стал встречаться со своей прежней подругой. Позавчера полчаса она говорила со Славиком по телефону, потом они переписывались в контакте. Говоря с ним по телефону, Женя плакала, она упрекала парня, что он завлек ее, наговорил ей чего-то, затем бросил и отверг ее. Потом дочь положила трубку, плакала долго и сильно, жаловалась, что в жизни все ее предают. В эту ночь я спала с дочерью, спала она беспокойно постоянно просыпалась. Еще Женя сказала, что накануне у нее был Чумаков, он узнал, что она поссорилась со Славой, успокаивал ее и как она сказала, в первый раз повел себя по человечески, пытался не унижить, а поддержать ее. – градус повышался.

Утром я ушла на работу, а дочь пошла в школу, при этом Женя была расстроеной, но спокойной. Она не говорила мне, что не хочет уйти из жизни, она говорила мне, что раньше видела только один исход из сложной ситуации – смерть, а сейчас она так не считает, так как в жизни может быть и много хорошего! А теперь! – она захрипела, задыхаясь от боли – оставьте меня в покое, пожалуйста. Мне нечего больше вам сказать.

Отведя её домой, Михеев посмотрел на часы, половина пятого утра. Спать не хотелось. Он не любил пить, считал это глупостью и надувательством, но сейчас он почти мечтал сорваться и забыть хоть на пару часов распластанный на асфальте тощий труп, лужу крови после которого щедро заметал сейчас свалившийся им на головы снег. Такое воспоминание долго не сотрется. Наверно, водка существует именно для таких случаев, когда память встает напротив и сверлит тебя пустыми мертвыми глазами.

Вернувшись в свою собственную комнату, Соколовский остро ощутил себя идиотом. Слишком разителен оказался контраст, после уютной веселой квартиры открыть дверь в темную холодную конуру. Домовладелица, старуха восьмидесяти пяти лет, жаловалась на жару, по этой причине открывая окна едва ли не настежь во всей квартире, так что в его комнате было немногим теплее, чем в морге.

Грязно-синее покрывало на тахте, серые занавески, светло-голубые обои, темный ковролин на полу и пара сухих пальм на подоконнике – это была его комната, за которую приходилось не так уж дешево платить. На отдельную квартиру он копил давно, никак не мог найти время вырваться и посмотреть приходившие ему на электронную почту предложения по относительно недорогим однушкам.

В холодильнике он откопал начатую палку сервелата, отхватил ножом половину, нашарил впотьмах чайник, вскипятил чай и ушел на свою тахту. Горячий кипящий чайник по-

лыхал красивым синим цветом. Все-таки есть хотелось постоянно, даже после Лизиной картошки.

Колбасу он не любил, из-за насморка почти не ощущал ее вкуса, так что сейчас ему было все равно. И безразлично, чай он пьет или что-то еще. Искать хлеб лень, будет только больше крошек. Пришлось искать капли и заливать их в нос, минут через десять он хотя бы обрел способность дышать и чувствовать. Он только начал клевать носом, согревшись на тахте, меланхолично поглощая мокрый и липкий сервелат, почти не жуя. И тут из-за стены выплыла заспанная Маргарита Игоревна, кутаясь в халат с розами.

–Юра, опять много работы? – как можно более участливо спросила она.

–Да, дел накопилось немного, бывает, – отшутился он, – вы не волнуйтесь, я постараюсь не шуметь.

–В кастрюле осталось немного супа, еще рис есть, может тебе разогреть?

–Нет, спасибо, я только перекусить.

Кивнув, домовладелица ушла к себе. Было видно, что ей охота поговорить, но ему было все равно. Нужно было срочно доделать несколько постановлений по отказным, а это, минимум, два часа работы. Поспать сегодня не удастся.

Его имущество здесь составляли забившие шкаф книги, завал бумаги на столе и мышастого цвета здоровенный ноутбук. В процессе работы он накалялся и служил за обогреватель. Книги были сплошь юридические вперемешку с ко-

дексами и материалами дел, которые он таскал домой. Художественную литературу Соколовский не жаловал, предпочитая не вникать в гуманитарщину, да и читать было некогда. Хотя, иногда он был не прочь почитать, лучше рассказы, на большие романы сил не хватало.

Телевизора в комнате не было, зато он до трех утра грохотал за стенкой, транслируя сериалы по второму каналу и бесконечные новости, вселяя отвращение в тщетно пытавшегося заснуть следователя. Просьбы и увещевания на старуху Маргариту Игоревну не действовали, вдобавок, она была еще и туга на ухо. При встречах начинала воспевать оды своему сыну Ивану, пропавшему где-то на заработках в Челябинске и звонившему примерно раза два в месяц. Ничего, кроме этих звонков заброшенную бабушку не интересовало, она буквально жила ими. Тошнотворно было видеть, как она плачет, скорчившись у окна, с ума сходя от скуки в своей квартире, окруженная фотографиями давно умерших родственников и подруг. Она и квартиранта себе взяла, чтобы было с кем поговорить, но и здесь здорово промахнулась. Соколовский дома практически не бывал, приходил часам к трем ночи с вызовов, и, не раздеваясь, падал на свою тахту, начисто игнорируя утренние ворчания старухи по поводу поздних возвращений. Помня о своих птичьих правах здесь, он, как мог, старался сдерживаться и хотя бы не грубить ей, но раздражала его старуха все больше. За последний месяц она сильно сдала, и он часто задумывался, что скоро придет-

ся сниматься с насиженного места и снова мыкаться по временным углам. Родственников у него не было, родители давно умерли, остальных он особо не знал.

Жизнь проходила в ноутбуке, заменившем ему друзей и собеседников. В редкие выходные он вытягивался на тахте, закутавшись в одеяло, как улитка-переросток, и смотрел тупые ужастики, воткнув в уши наушники. Ни эмоций, ни особых чувств он при этом не испытывал. Звучит банально, но когда практически ежедневно сталкиваешься со смертью, монстры на экране вызывают только зевоту. То, что в реальности гораздо прозаичнее и страшнее, чем самый кровавый и глубокий триллер. Иногда в такие моменты ему было стыдно за себя, работа выматывала настолько, что он мало отличался от выючного животного.

И думал, как животное, только о еде и сне. В университетские годы, помнится, он отлично играл на гитаре, даже пытался сочинять музыку. Теперь это только травило самолюбие, гитара валялась в шкафу в пропыленном насквозь футляре, он не смог бы взять и пару аккордов, пальцы огрубели и утратили пластичность. Тогда в нем просыпалась жгучая зависть, например, к Эдику Бернсу, который по обыкновению, в конце месяца уходил в запой, ненадолго забывая об опостылевшей работе.

–Еще бы в аварию попасть,– мечтал иногда Эдик в перерывах между опросами потока алкашей, наводнявших отдел,– не сильную, но чтобы в больницу месяца на полтора.

Лежишь себе, мух ловишь, сок попиваешь, под кроватью пиво заныкано, блаженство!

—Бернс, ты больной! — обычно отмахивался Соколовский, втайне обдумывая подобную ситуацию.

Утром понедельника Бернс возвращался в мир живых и до полудня сидел, не шевелясь, приложив ко лбу кувшин с водой, и упиваясь отвращением к себе. От похмелья спасала выкуренная за раз пачка сигарет, для Эдика это был любимый наркотик. Соколовский и сам курил практически постоянно, в день по три пачки, чисто на автомате. Иногда это помогало отвлечься от работы, от очередной испитой физиономии напротив тебя или от очередного трупа. Сейчас, весной, начинается какое-то обострение, смерти идут как эпидемия. Пока еще наплыва основной волны нет, нашествие мертвцов начинается где-то в апреле. Хоть по часам проверяй.

Можно отслеживать стадии своей деградации и превращения в циничную машину. Это бесило, но выхода Соколовский не видел. Потому, наверно, и рвал себе побольше дел, чтобы хоть попытаться не до конца очерстветь.

Свою работу он не переносил. Странно, ведь раньше стремился сюда, готов был по головам идти, лишь бы попасть в отдел. Сказывалась романтика профессии. Приобретая твердый взгляд на вещи он заметно охладел к любимому раньше делу, выполняя свои обязанности как машина. И противоречил сам себе, вспоминая сегодняшнюю стычку с начальником. Нельзя впадать в крайности, принимать все к себе и

превращаться в циника, ковыряющегося в распоротых мозгах вроде судмедэксперта Семко, нужно балансировать на середине, но как трудно это сделать!

А если копать еще глубже, то не любил он, наверно, не столько саму работу, сколько конкретный свой следственный отдел. Потому что напротив помещался отдел полиции, где в дежурке работал его старый друг Саня, напарник и соперник. Просто и ясно. Они, едва встретившись на первом курсе универа, проверяли друг друга на прочность, кто лучше ответит, кто первый дрогнет. Состязание вошло в привычку, превратилось в каждодневную работу. Пока у него было любимое дело, да та же гитара, пока он понимал, что может ответить Сашке ударом на удар, Соколовский относительно легко переносил заклятого друга. Хотя, если он станет раскапывать себя, наверняка обнаружит жгучую зависть, а еще глубже холодную ненависть к приятелю и вряд ли там будет что-то еще. А потом появилась Лиза, вернее, появилась она сразу, но они столкнулись из-за нее несколько позже. Лиза спутала ему все карты, она ушла к Сане, а на такой удар привыкший к драке Соколовский ответить не мог. А больнее всего его самолюбию было признать столь очевидное поражение и смириться с ролью друга семьи и свидетеля на свадьбе. Самое мерзкое, что только может быть!

Ему часто казалось, что Михеев над ним тупо насмехается, напоказ выставляя свое благополучие, и это только распаляло в нем бессильную злость. С самого момента их сва-

дбы, с мига, когда он увидел смеющиеся глаза Лизы и прочел в них любовь к бывшему другу, он не находил себе места. Они служили вместе с Сашей, но там, в армии было немного проще, Лизы рядом не было, если не считать Сашкиных увольнительных. Потом судьба ненадолго раскидала их, пока он проходил прогонку в деревнях, и вот опять они оказались в одной лодке. Так просто и так невыносимо смотреть на женщину, которую любишь, и видеть, как она целует твоего друга и своего мужа. Просто как день. Она рядом и ужасно далеко. Поэтому он с такой неохотой соглашался приезжать к ним, и поэтому его бешено тянуло туда, как он ни сопротивлялся.

Не в обычае Соколовского было строить воздушные замки и мечтать, но, позволь он себе такое, перед ним встала бы только она. Лиза. Взбалмошная надоедливая девчонка, с легкостью обставлявшая их обоих, непредсказуемая и непокорная. Теперь, правда, бешенство в ней поутихло, больше появилось от затасканной по делам и проблемам трудоголички, а лукавая улыбка потухла, и разжечь ее снова удавалось только Саше. Она не горела больше сама, она подпитывалась им, не ощущая этого. И как ни пытался Юрий применить к ней свою любимую аналитику и расчет, она объяснению не поддавалась. Ни думать о ней, ни мечтать, ни забыть ее он не мог. Чем дальше, тем сильнее его это бесило и выводило из себя, а злость он срывал, с головой уходя в работу. Способ затасканный, но более менее действенный. Но как же его к

ней тянуло!

–Ты же такой хороший, Юра,– иногда смеялась она, когда они вдвоем провожали ее до подъезда.– и почему девушки вокруг тебя не вьются? – Классика френдзоны!

–Ты мешаешь! – улыбался он тогда в ответ, стараясь смягчить ледяные иглы в глазах и молясь, чтобы в сумерках не заметили его смятения. – Кончай динамит, и выходи замуж за меня, потребность в остальных мигом отпадет!

Она звонко смеялась, а Сашка из-за спины шутливо грозил ему кулаком. Да, говорить правду в шутку легче всего. Легче всего, черт возьми, шутить и улыбаться, а потом ночью лежать на кровати и понимать, что вместо души у тебя самая банальная черная дыра. А она смущенно отводила глаза, сидя с ним в том же дурацком кино, когда ловила его взгляд и вспыхивала, как спичка. Спичка, так звал ее Сашка, за нервозность и быструю отходчивость. Он обожал ее, только о ней и был способен говорить. Это раздражало до крайности и это же невольно обезоруживало Соколовского. Да, он отлично знал, что с ним творилось, знал с самого начала. Любовь, свалившаяся на него как гром с ясного неба, полудетская и в чем-то наивная, никуда деваться не собиралась, даже похороненная под слоем рабочей рутины. Стоило ему остаться одному, мысли яростно продирались сквозь усталость, превращаясь в малопонятные туманные грезы. Он настолько привык засыпать и просыпаться, думая о ней, что превратил это в своеобразный ритуал. Это была его слабость,

его большая тайна, секрет полишинеля, известный, наверно, всем.

8.

В понедельник с утра следователь вызвал на допрос Олеся Черниченко. Девочке было десять, ее выдернули с занятий в школе, что ей было только на руку. Пришлось оформлять допуск законного представителя при допросе, проще говоря, ее матери. В половине одиннадцатого утра они явились, по случаю холодов закутанные в шарфы до подбородков. Елена Александровна Черниченко оказалась высокой, прямой, как спица женщиной, с упрямым волевым взглядом. Девочку она прижимала к себе, а та все норовила вывернуться и разглядеть получше тесный кабинет. Обычная девчонка, светлые волосы, заплетенные в две короткие тонкие косички, большие светло-голубые глаза, напоминающие рыбки. Немного вертлявая, видно было, что сидеть на стуле ей скучно и хочется побегать по школьным коридорам, а не торчать тут, изо всех сил стараясь не зевать. Бернс уехал на стрельбы, второй раз за месяц, так что кабинет был в распоряжении Соколовского. Он скороговоркой сообщил свидетелям шапку протокола допроса несовершеннолетнего, обычные анкетные данные, потом вопросительно посмотрел на явно нервничавшую мать. Елена Александровна сухо кивнула.

—Скучно, да? — с детьми Соколовский работать не умел, и особо не любил. Тем более с маленькими. Но людям, урвавшим для тебя свое драгоценное в кавычках рабочее время,

завившимся в отдел для опроса на твое мнение плевать. Как для следователя подозреваемый перестает быть человеком, так и следователь для свидетелей и иже с ними – набор функций плюс голосовые связки. Им не нравится, когда ты недоумен или ты устал, они здесь хозяева, у них права, а ты им прислуживаешь. Такова позиция большинства. Ты им – что-то вроде робота с приклеенной улыбкой. Интроверту в следствии делать нечего, тут нужно уметь общаться и подлаживаться под собеседника, а это болезненное место Соколовского. Пришлось экстренно откапывать в себе актерские таланты. Ну да, следователь тот же актер, с натянутой маской. Играет свою роль, как заведенный, пока не свалится прямо на сцене. И получит в награду сухие выстрелы салюта на своих похоронах.

–Ага,– болтая ногой, отозвалась Олеся, покосившись на мать. Голос самый обычный для девчонки, довольно тонкий, еще не оформившийся. Она же сущий ребенок, еще почти никаких намеков на то, что будет позже. Соколовский резко выдернул себя из напрасных мыслей, попробовав сосредоточиться. От хронической усталости внимание рассеивалось, и кабинет плавал вокруг.

–Тогда я сейчас быстренько тебя спрошу и отпущу, идет?

–Согласна,– серьезно кивнула девочка. Лично ему она не нравилась, слишком манерная. Сидит сейчас, ощущая себя центром мира. Однако, его мнение никакого значения не имело. Он повторялся, скверное качество.

–Олесь, кто еще с тобой живет дома?

–Мы с мамой и папой живем,— откликнулась девочка,— и еще у меня братик есть, Паша, но он маленький совсем, ему полтора месяца.

–Ничего себе, ты богатая. Брат не достает?

–Нет, он только кричит постоянно, и уроки мешает делать.

–Ну, тут остается только терпеть. А бабушка с вами живет?

–Нет, отдельно. У нас места мало папа говорит.

–Она одна живет?

–Ой, там много кто с ней.— девочке разговор явно нравился, еще бы, большего от нее не требовалось.— В квартире у бабушки проживает моя тетя Галя, ее сын Даня и Юра, который считается мужем бабы. А скажите, деда Юру скоро выпустят?

–Соскучилась?

–Очень— об этом следователь знал, но все равно подобное поведение ставило его в тупик. Неужели в десять лет можно быть такой идиоткой?

–Он играл с тобой?

–Да, мы часто играли. Папа вечно уезжает, а мама поздно приходит. — теперь слова посыпались из девчонки, как горох.— Он единственный, кто хоть играет. Бабушка болеет и просит, чтобы я не вертелась под ногами, и тогда я иду к нему.

–Он как любит играть?

–Ну, он закрывал меня в бабиной комнате, снимал с меня одежду и лизал мне нижние места. – ничуть не смущаясь, ответила девочка.

–Часто он так игрался?

–Это было больше чем один раз, всего несколько, но сколько раз точно не вспомнить. Последний раз это случилось перед новым годом. В это время тетя Галя была на работе, Даня уехал на елку, бабушка уехала на собрание, где она занимается библией. В это время дядя Юра закрыл меня в комнате, пока я играла с котом, снял с меня плавки, в это время я лежала на бабиной постели. Юра при этом ни чего не говорил. – При этих словах мама крепче перехватила дочь.

–А нижние места, Олесь, это какие? – будничным тоном продолжал спрашивать следователь.

–Зачем вы ее мучаете? – взвилась заботливая мамаша. – Ей же неприятно, вы видите!

Девочка особой брезгливости не выказывала, скорее наоборот.

–Нам всем неприятно, Елена Александровна,– последовал сухой ответ,– но разговор этот должен состояться. Больше я девочку вызывать не буду, одного раза достаточно. Прощу вас потерпеть. – женщина угрюмо замолчала. Видно было, что ей невыносимо здесь сидеть и обнажать жизнь своей семьи перед чужим человеком, она словно сама сидела голая и дрожала от холода и возмущения. Обидно, противно,

мерзко, но необходимо. Он сам терпеть не мог подобные дела, но их меньше от этого не становилось.

–Так какие это места, Олесь? – как можно мягче спросил он. –Ниже пояса?

–Да,– тихо пробормотала девочка. – Про то, что деда Юра делал со мной, я рассказала маме после нового года, так как боялась, что может произойти что – то страшное.

–Он тоже раздевался при этом?

–Нет, и всегда молчал. В первый раз, когда Юра делал это со мной, я говорила ему: «Зачем ты это делаешь?», он молчал и ни чего не говорил мне. Он переставал делать это, когда я его начинала отталкивать. Я понимаю, что он делал что-то плохое,– замялась девочка,– но отпустите его, пожалуйста. Бабушка сильно злится, я боюсь к ней ездить, она часто плачет. А меня в школе дразнят подстилкой, я дерусь, а толку нет.

–Пока не можем отпустить, Олеся,– пробормотал следователь.– нельзя. А на одноклассников не обращай внимания, они просто глупые и не понимают, что говорят. – Бланк протокола допроса вылез из чихающего принтера, на последнем вздохе картриджа. – Елена Александровна, посмотрите, все ли верно написано.

–Да, все нормально,– женщина подписалась в бланке, потом ручкой зачиркала девочка. Почерк круглый, неровный, буквы выводит старательно.

–Ну все, считай это тем же, что посещение стоматоло-

га,— Соколовский натянуто улыбнулся.— больной зуб вырвали, плохую информацию рассказали, теперь будет легче. — Пока девочка торопливо одевалась, он отвел мать в сторону.

—Скажите, вы ей давали какие-то основы полового воспитания?

—Нет, — вздохнула женщина,— они там сейчас продвинутое нас, я так думала. Она по нему скучает, хочет еще поиграть.

—Лучше будет, если она и дальше воспримет это как игру. Я выпишу постановление о назначении экспертизы, ее спросит еще психолог, и мы от вас отстанем.

—Поскорей бы. Надоела уже эта канитель,— на миг сквозь слой пудры на лице женщины проступила боль, но она сдержалась. —До свидания.

После таких допросов кабинет начинал казаться ему зачумленным. Возясь по локоть в грязи и мерзости, сложно остаться незапятнанным или как там это называется. Как там говорят, можно вытащить человека из грязи, но не вытащишь грязь из человека. Резкость, грубость, пошлость, черствость въедаются в мозги, как ржавчина.

Девочка думает, что это была игра, и только смутно подзревает, так нельзя. Отец пропадает в рейсах, дальнобойщик, мать на работе, бабушка адепт какой-то секты, Свидетелей Иеговы, тетка на работе. И единственным, кто хоть как-то обращал на девчонку внимание, оказался этот Болдырев, тоже ее использовавший для удовлетворения собственных прихотей. Поманил ее ласковым обращением, она ведь

всецело ему доверяет до сих пор! И деда Юра для нее лучший, пусть и снимал с нее трусы, зато давал лакомиться конфетами и защищал от бабушки! Даже в голове плохо укладывается. И мать, которая не рассказала дочери, что означают такие игры, выставила себя ограниченной клушей. Она квохчет над малышом, сплавляя старшую к бабке, которая пропадает в молельне, пока ребенок нашел себе подобное развлечение. Откуда пошли слухи в школе, наверно, девчонка сама похвасталась, что за ней ухаживает взрослый мужчина, а уже потом испугалась. А теперь ее дразнят. В итоге ее кругом использовали, даже он, для подшивки к материалам дела.

Интересно, какой она вырастет, если уже сейчас готова отдаться за конфету? Как бы цинично это не звучало. Нельзя говорить о таком, нельзя писать, но ведь это то, настоящее, та грязь, с которой мы сталкиваемся, и боязливо проходим мимо, лишь бы не попасться под горячую руку. Он не верил девочке, что она ничего не понимала, нет, понимала, еще как. И радовалась, что хоть кто-то обратил на нее внимание, потакает ее прихотям, может быть, делает ей приятно. Он ее насиловал, по сути, и он же был ее другом и защитником. И зачем в книгах рисуют театр абсурда, если он нас окружает? Что может быть нереальней и абсурдней?! Девчонка здорово заигралась, ее, естественно, жаль. Если совсем ударяться в философию, то теперь она не познает настоящей дружбы и любви, будет искать в них либо подвох, либо только са-

мое неизменное. Она еще краснеет и смущается, ее еще пока тошнит от этого, но ненадолго. Немного подрастет и, скорее всего, банально пойдет по рукам, а ее семье будет плевать на это. Может быть, он излишне сгущает краски, и мать возьмется за ребенка, но как слабо ему в это верилось!

Следующие три часа он опрашивал друзей и собутыльников Колосова, выпытывая, где тот мог раздобыть пресловутый пистолет. Троица состояла на учете в наркологии, еще и наркоманы-любители, но употребляли, как божились, чисто для себя. Лихоткина тесно общалась с ними, постоянно ругалась, что ей засоряют квартиру. Колосов тоже употреблял, это Соколовский и так знал, утром из наркодиспансера пришел положительный ответ на запрос. Показания все давали, как под копирку, не знаю, и не видел.

—А наркотик какой употребляли?— нажимал на Кульниченко, одного из собутыльников, следовательно.

—Коноплю из деревни Ванек привез, он туда недели три назад ездил.

—А Лихоткина?

—Нет,— тут Кульниченко, типичный гопник-переросток, глумливо усмехнулся,— она пыталась Ванька вытащить, скандалила, что он ломает жизнь себе и ей. Не хотел он ее убивать, наверно, просто достала Она стерва была, кого хочешь доведет до ручки

—Ага, а потом нашел в мусорном баке пистолет и пристрелил свою стерву со злости,— саркастично констатировал сле-

дователь.

—Я тебе, начальник, так скажу,— фамильярно и задушевно начал Кульниченко, почесывая бритую голову. Выглядел он заправским уголовником, хотя приводы на нем висели чисто за хулиганку, много из себя строил. Перегаром от него несло на весь отдел. Девять классов, училище, алкоголь, обычное явление. Постепенно так привыкаешь работать с подобным контингентом, что забываешь о существовании нормальных, адекватных людей. — Ванька ее если и убил, то за дело. Она хотела на нас заявить, что мы траву курим, и в наркушку нас упрятать.

Несмотря на тупость полупьяных собутыльников, картина вырисовывалась уже неплохо. Колосов приезжал в город на заработки, устроился по благу охранником. Там работал Кульниченко, он его и порекомендовал начальству. Другой Иван снабжал коноплей, наверняка выращенной в собственном огороде, а не сорванной на мнимом пустыре за селом. Лихоткина, училка русского языка в гимназии, познакомилась со своим Ромео по переписке, после пары свиданий стареющая девушка втюрилась в него по уши. Побоялась остаться одна и обслуживать дряхлеющую мать, вечно намекающую на пустую жизнь дочери, от которой не спасала даже работа, которую врагу не пожелаешь. Колосов ее понимал, хотя бы вначале, и не учил жить. Узнав его поближе, она выяснила, что он наркоман, попыталась вытащить бедолагу из жизненной ямы путем сдачи его в наркушку и всех

приятелей заодно. Алкоголь тоже помог. Взбесившийся на этой почве Колосов заманил ее в лес и там расправился. Пистолет раздобыл через кого-то, скорее всего на рынке из-под полы. В итоге, Лихоткина, по сути, оказалась в том же положении, что и девчонка Черниченко, обеих игнорировали в семье, и они нашли себе утешителей. Колосов наверняка казался училке сильным и способным ее защитить, во всяком случае увезти от матери и однообразной рутины. А что он наркоман, так это добавляло ей святости в собственных глазах. Немногие станут добровольно терпеть наркомана и алкоголика, и пытаться его спасти, строя из себя мученика. Показуха, столь возвышающая тебя в глазах общества. Все четко и ясно, вот только на стадии домыслов. К делу размышления не подошьешь. Дело простое, вот только бы найти орудие убийства и можно брать отпуск и уезжать отсюда к черту! Хотя, куда он уедет, уж лучше вдоволь поваляться дома. Ко всему прочему, он еще и был классической совой, и в редкие свободные дни не вылезал из постели до полудня. Это бывало в отпуске, когда можно было вовсе не вставать, и читать, и наигрывать на гитаре музыку, пытаясь подобрать ноты к Сашкиным стихам.

Неужели будет глухарь, ведь пистолет не найден. По следам на гильзе его идентифицировали, как обычный ПМ, пистолет Макарова, но гильза, естественно, не может дать номер оружия, и, тем более, указать, где оно куплено и где находится теперь. Коргин и Михеев полдня уже мотались по

городу, выясняя, где за последний месяц продавали оружие такой модели. Все выходные Соколовский эту карту точек продажи и составлял, спасаясь от постоянной головной боли только сигаретами. Квартирная хозяйка едва его не выгнала за задымленность комнаты, он снова с ней сцепился, в который раз мечтая о собственном отдельном угле. С девяти утра он обивал порог Центрального суда, чтобы ему выписали постановления на обыски в квартирах Колосова, Лихоткиной, Кульниченко, Ивлева и Васкова, был небольшой шанс, что оружие прячет кто-то из них. Но они, естественно, наверняка давно его укрыли в более надежном тайнике. Колосов на допросе молчал, твердил только, что нашел пистолет на помойке кафе, и выкинул его в реку. Сейчас постановления были у него на руках, уже хорошая новость.

СОГ полчаса ждала на лестничной клетке, пока им откроют дверь. Мать Лихоткиной, дородная пожилая женщина в розовом махровом халате, почти сразу же ушла в гостиную, взгромоздившись там на диван. Оперативники принялись методично перетряхивать содержимое квартиры, практически не общаясь между собой. Компьютер, куча бумаг на столе, фотография Надежды Лихоткиной, цветы, ничего примечательного. Сероватые занавески стыдливо прикрывали серое низкое небо, стучавшее в окно морозящим дождем. Половина четвертого вечера, город утонул в слякоти, полицейская «Газель» перекрасилась в серо-коричневый цвет, утратив первоначальный белый. Квартира была на третьем эта-

же, какая-то ободранная береза билась веткой в стеклопакет, без звука, напоминая попытки глухонемого напомнить о себе в шумной переполненной комнате.

Шкафы оказались забиты бельем. Мать и дочь жили вместе. Вещи перекладывали по нескольку раз, была вероятность, что оружие спрятано здесь Колосовым, и этот шанс таял с каждой минутой. С кухни вернулся Леха Коргин, доложив, что в шкафчиках и крупах ничего нет, кроме тараканов. В ванной хозяйничали они же, как будто хозяйкам квартиры было на нее наплевать. Типовая однушка в хрущевке кишела живностью, в углу то ли спала, то ли разлагалась тощая серо-полосатая кошка. Все здесь было серое, ярким пятном торчал только розовый махровый халат. Перерыли каждый шкаф. Поверьте, это очень мерзко, когда открывают ящики и копошатся в личных вещах. Это противно. Чувствуешь себя стоя в одежде – голым. В квартире обыскивали всё. Вообще всё. Каждую коробку с обувью смотрели. Кастрюли перекладывали из стопки в стопку. Ковры поднимали. Вещи перебирали, блокноты листали, горшки цветочные рассматривали. Михеев просматривал каждый ящик объемистого комода и шкафов, составляя опись вещей.

Квартиру перетряхивали два часа, за окном практически совсем стемнело, когда Соколовский, наконец, сел за бывший стол Лихоткиной, составлять протокол. По итогу изъяли ноутбук и два телефона, один нерабочий, с разбитым экраном. Можно было ухватиться за соломинку, что с этих

номеров Колосов мог звонить, договариваться о покупке оружия. Абсурд, но иногда срабатывает. Мать, скрестив руки на груди, отрешенно наблюдала за тем, как разоряют ее дом, в воздухе висело почти осязаемое напряжение.

– Александра Валерьевна, – хриплым от усталости голосом проговорил наконец Соколовский, – я прошу извинить нас за вторжение, но, поверьте, это необходимо. Посмотрите, пожалуйста, все ли верно указано в описи и протоколе и распишитесь. Понятые, я прошу вас тоже подойти и расписаться. – Вызванные для этой цели студенты. Боязливо переминаясь с ноги на ногу, приблизились, уронив глаза в протокол.

– Он не мог бы спрятать оружие здесь, я вообще не хотела, чтобы он сюда приходил, – зазвенел голос Лихоткиной. – но у меня не было против него ничего, кроме голословных обвинений. Пока он не застрелил мою дочь.

– Нам необходимо отработать каждую версию, – как попугай по указке повторил следователь.

Обратно в отдел ехали молча, тупо уставившись в темнеющие проемы окон.

– Лизка сегодня до восьми вечера на парах, – пробубнил Михеев, не отрываясь от телефона. – Дерет студентов контрольной по договору аренды, им нужно пять задач решить за семинар письменно. Прикинь, я вчера до двух ночи пытался их решить, еле одну осилил. – Сашка на выходных, похоже, все-таки напился, его выдавали опухшие красные глаза и одутловатость. Крепился он долго, теперь, наверно, ко-

рил себя, что сорвался.

–Ну, – протянул Соколовский, – помнится, ты вместо гражданки сидел в качалке, забив на пары, так что это карма.

–Ты себя вспомни, примерный ботаник,– фыркнул Сашка, тряхнув головой,– как бегал по универу, выспрашивая, кто может написать тебе курсовую, а потом сам ее переписывал, не желая получить тройку?

–Ладно, не надо про мое темное прошлое,– туманно заявил следователь. Леха Коргин, предпочитавший появляться в универе на аттестации, отработках и сессии, но никак не на семинарах, только ухмыльнулся.

9.

Саша продолжал копаться в телефоне, что-то печатая. В машине было холодно, сенсорный экран на холодные пальцы реагировал плохо, приходилось с силой тыкать в него, и временами встряхивать.

–Юр, я ночью дежурю, а Лизка тут заболела немного, поедешь домой, заскочишь в аптеку? Никак не успею, – виновато добавил он.

–Без проблем, что купить?

–Там по мелочи, Лизка пишет, хочет сбить простуду и утром ей уже выходить, больничку брать не будет. Ты ее только сам не зарази, ок?

–Да я все выходные отлеживался, сейчас уже порядок. – следователь по привычке закусил губу. Это у него служило признаком задумчивости.

Рабочий день закончился, улица погрузилась в темноту. С Красноармейского, по которому Соколовский теперь ехал, промозглым ветром сдуло даже пешеходов, немногие уцелевшие торопились побыстрее прошмыгнуть к себе в теплые норы. Небо привычно заволкли тучи, хоть дождь не накрапывал, уже хорошо. Многоэтажки зажигались электрическими огнями окон, в просветах сновали людские силуэты, откуда-то доносилась музыка. На переезде образовалась небольшая пробка. Светофор немилосердно долго шу-

рил ярко-красный глаз, слепя машины и их водителей. Оранжево-желтые трамваи с резким неприятным дребезжанием ползли по рельсам, распахивая ждущую на остановке реденькую толпу. Сзади соколовской «тойоты» тащилась забрызганная маршрутка, «двойка», ехавшая сюда с Южного, впитавшая грязь проселочных дорог начала пригорода. Пробка рассосалась, Соколовский, живший на Северо-Западной, сюда заглядывал нечасто и теперь выискивал аптеку, невольно щурясь из-за ярких магазинных огней.

Аптеку он нашел, закупился, и через десять минут уже нетерпеливо барабанил в михеевскую дверь. Открывшая Лиза только усмехнулась.

–Заразил все-таки,– проворчала она, раздраженно и часто мигая красными глазами.

–Саня вернется часам к четырем, просил лекарства передать. – невозмутимо отозвался следователь, прислонившись к дверному косяку. Лиза нетерпеливо махнула рукой, это переводилось, как приглашение войти

–Да уж, солнца я почти не вижу, чтобы войти в дом, жду приглашения, похоже, начинаю превращаться в вампира,– неуклюже пошутил Соколовский, втайне мечтая поскорее сбежать отсюда. Даже больная, Лиза возилась у плиты, ставя чайник, призывно вспыхнувший синим механическим светом. У него был такой же, впрочем это их стандартная подсветка. В гостиной мерно шумел телевизор, показывали неизменный «След». Майор Майский, штампованный люби-

мец женщин, гонялся за очередным убийцей, сверкая белозубой улыбкой. В свое время Юра сам пошел в органы, прельстившись такими сериалами, теперь от Майского его тошнило. Вечно он успешнее и удачливее их всех.

–Тебе ментов мало в реальности, ты их по телику ищешь? – подколот ее Юра, Лиза раздраженно дернула плечом. Разговор не складывался, девушка была вся на нервах, злясь на мужа, как обычно уехавшего к черту на рога. Ходила от плиты к столу, звеня ложками, полы халата развевались вслед за ней. На щеках играл красный лихорадочный румянец, зеленые глаза откровенно полыхали. Походка у нее была тяжеловатая, особенно когда она злилась.

–Они хотя бы рядом со мной, – едко проговорила она. Чайник вскипел, она подала кружку гостю. Кипяток сильно обжигал язык, но продрогшему Юре было все равно, он торопливо втягивал в себя чай, давясь приготовленными на скорую руку пельменями. Хозяйка явно переложила майонеза, выдавила в тарелку половину упаковки. В помещении стояла парилка, из-за насморка девушка опасалась проветривать квартиру, как обычно переносила простуду на ногах. Сашка говорил, в прошлом году она ходила на работу с температурой под сорок. Ну и кто, спрашивается, трудоголик в последней стадии? Еще его обзывает. Ну да, пусть он брюзга, как она его подкалывает, зато готовит лучше нее. Во всяком случае, сейчас.

Лиза пока разбиралась с пакетом лекарств. Целлофан под-

давался плохо, психанув, она его порвала и спустила в мусорное ведро.

– Не бесись, Лиз, он же не может не поехать на дежурство, это его обязанность. Долг, так сказать. Извини, можешь пряники подать.

Лиза впервые за все время улыбнулась.

– А, – протянула она, – я и забыла, что ты дикий сладкоежка, что раньше-то молчал? Я вчера пирожные купила, думала романтический ужин устроить, – ее голос ошутимо зазвенел, – ешь, если хочешь. – Второй раз упрашивать Соколовского не пришлось, сладости он на самом деле обожал, и теперь облизывал пальцы, на которых остался крем от заварных пирожных. Жалко, что Лизка не купила эклеры, шоколад с них можно было бы объедать полчаса, не меньше. Это он так растягивал удовольствие.

– Ну вот, хоть оттаяла, а то я уже думал делать ноги, когда мне открыла такая растрепанная краснолицая злоюка! – она невольно вспыхнула. Даже уши запылали, как ни старалась она спрятать их под волосами.

– На вас бесполезно злиться, – пробурчала она, – вас все равно никогда нет. И этот долг дурацкий, я только о нем от Саньки и слышу. Работа, работа, и сама до вечера на работе, как белка в колесе, пусть и банально сравнение. Сегодня сидела на паре, голова болит, нос не дышит, думаю, только бы до дома дотащиться, а тут еще Санька со своим дежурством! Мы же договорились сегодня хоть маленько вместе

побыть, кино посмотреть хотели, а он опять! – Она не заплакала, слишком уже успела посуроветь для этого, только пухлая нижняя губа задрожала, Лиза бешено ее прикусила. На воспаленной тонкой коже выступила струйка крови.

Соколовский молча притянул ее к себе, рассеянно глядя пальцами по волосам. Плечи девушки чуть заметно вздрагивали. Такое он позволил себе впервые, почти сразу же отстранился, сел рядом.

– Лиз, ну не надо, ничего же не изменишь, – как мог заботливо пробормотал он, – только голова еще больше заболит. Ты же всегда такая бойкая, что сейчас-то расклеилась? Сама же знала, на что шла. Он приедет скоро, впереди еще выходные, устройшь ты ему свой ужин, куда он денется! Правда, пирожные придется заново покупать, – тут она сквозь слезы засмеялась, пихнув его в бок. – ну а что, я вообще всегда есть хочу.

– Юрка, вот вечно ты его выгораживаешь! – укоризненно заметила она. Глаза сверкнули уже притворной злобой, она явно смягчилась. Сашка был спасен от своей маленькой ведьмы.

– Мужская солидарность, – отпарировал Соколовский. – тем более, он мой лучший друг. И я не позволю, чтобы его жена кисла как капуста, хлюпая соплями! И это подающий надежды преподаватель, умора!

– Иди ты к черту, – криво усмехнулась она, – мне одни сопли и остались. Я устала. Устала бороться за внимание соб-

ственного мужа, не соперник я его работе. При ссоре всё упирается в то, что по его мнению я хочу, чтобы он безвылазно сидел дома. А я хочу тепла и семейного уюта, а не одиноких дней, выходных и одиноких ночей. Понимаешь? Хотя откуда тебе понимать,— она отсела от него, вцепившись пальцами в распущенные растрепанные волосы, искрившись в свете энергосберегающей лампы медным огнем. — И ведь люблю я его, ничего не могу поделатать. Или нет, я уже не знаю. Вы там мотаетесь, а я здесь жду. Ты вообще знаешь, что это такое — ждать? И каждый раз бояться, а вдруг с ним что случится, и куда я тогда? А он даже не звонит, некогда ему, видите ли! Я ментов из «Следа» вижу чаще, чем мужа, он приходит, когда я сплю, и уходит, когда я уже уйду. Через час. И от этого никуда. У меня душа уже износилась это терпеть!

— Дура ты, Михеева,— спокойно отозвался Соколовский.— не превращайся в клушу, ты же так этого боялась раньше! Тебе хотя бы есть кого ждать, так что заткнись. Не набивайся, чтобы я тебя жалел, меня и так тошнит от того, что я у вас как жилетка, в которую можно поплакаться. Душа у тебя износилась, кто бы о моей душе подумал, раз мне на нее плевать! Сашка бесится, хочет тебе угодить, а ты его пилишь постоянно. Мне пора, спасибо за чай.

Она вскочила, видя, что он уже одевается, и метнулась к нему. На длинных пушистых ресницах появились слезы.

— Юр, ну прости, — Лиза растерялась и покраснела.— я не

хотела. Само все как-то сорвалось, и на тебя, правда, извини. – она робко посмотрела на него снизу вверх, проклиная про себя высокий рост старого друга. Он молча обжег ее холодным взглядом и нагнулся, зашнуровывая как всегда грязные ботинки.

– Мне правда пора, пока, Лиза. – Соколовский выпрямился и вышел из квартиры, закрыв за собой дверь. Лиза вернулась на диван, тупо уставившись в телевизор. И плакала, сама того не замечая. Ей было тошно от самой себя, а в окно стучалась очередная холодная и пустая ночь.

Утром на обыске в квартире Кульниченко, Сашка без конца тер опухшие от бессонницы глаза. Ночью было шесть вызовов, патруль загоняли вконец, а еще предстояло писать кучу рапортов. Сонливость он глушил крепким кофе и сигаретами, меланхолично наблюдая за тем, как напарники слоняются по лестничной площадке в половине восьмого утра. Хозяин квартиры дверь не открывал, Коргин поехал в отдел за отмычкой. Хотя доподлинно знали, что люди в квартире есть. Сашка, выругавшись себе под нос, рухнул на стоящий в углу драный маленький продавленный диван, вытянув вперед длинные ноги в грязных ботинках. И погрузился в Контакт, на автомате листая ленту новостей. Соколовский, устав пронзая железную дверь взглядом, встал у окна напротив него, разглядывая утренний город, освещенный яркими лучами еще холодного солнца. На площадке они остались одни, ждали Леху. По полу бегали пятна света, застревая в тре-

щинах и выбоинах.

–Что, как там Лизка, а то я еще дома не был,— просипел Михеев, обдирая ногти на правой руке. Когда он волновался, то начинал их грызть, досадная, еще школьная привычка. Он был словно придавлен, до смерти устал.

–Рвет и мечет, – раздраженно отозвался следователь, закуривая. Пожарная сигнализация все равно в подъезде не работала. Сигарета была как нельзя кстати.— Не хочет, чтобы ты полностью отдавал себя работе.

–Обычная песня,— мотнул головой Михеев. – ночью на пьяную драку ездили, еле разняли. Теперь бок ноет, по ребрам съездили, прикинь?

Следователь сжал виски пальцами, чтобы голова меньше болела. Косплей под зомби становился уже привычным состоянием. От долгого стояния в одной позе, у него левая нога затекла, теперь он, морщась, дергал ей, пытаясь размять. Ноге и так досталось, после коряги на дне Барнаулки, он до сих пор ее волочил. Сходить в больницу было лень, да и вообще, врачей он боялся. Сашка частенько ему припоминал, как на медкомиссии в военкомате он едва в обморок не падал, со страхом глядя, как медсестра тычет ему в палец иголкой. Между прочим, это реально больно, если что!

–Зато Лизка будет над тобой хлопотать, залечивать твои боевые раны,— усмехнулся он. – вчера она здорово взбесилась, достанется сегодня студентам.

–А ты ее любишь,— без перехода проговорил Саша, словно

констатируя. Соколовский резко вскинул голову.

–Саня, ты устал, как собака, вот и несешь чушь.

–Нет, я говорю факты,– отрезал тот, ковыряя налипшую на ботинки грязь, не глядя на друга. Это их объединяло, оба жуткие неряхи, правда, следователь еще пытался изредка корчить из себя педанта – а меня, наверно, на дух не переношишь.

–Если даже и так, это ничего не значит,– апатично ответил Юра, ломая в пальцах тлеющую сигарету, и обжигаясь от неожиданности.– черт! Можешь не брать в голову. Она твоя жена, все, закрыли тему!

–А я даже не знаю, хочу ли домой возвращаться,– пробормотал Саша, глядя в пол. В коридоре гулял сквозняк, он начинал мерзнуть. И почему везде вечно гуляет ветер? – После работы забегу в магазин, куплю ей цветы. Она обожает темно-красные розы, ты же знаешь.

Тут вернулся Леха с отмычкой и двумя оперативниками, Ивановым и Симоновым. которые стояли наготове на случай сопротивления хозяина. Саня, стыдясь минутной слабости, искоса поглядывал на Соколовского, упрямо смотревшего прямо перед собой.

10.

Железная дверь с трудом открылась, обнажив закуток, в котором помещалась вторая дверь, уже в квартиру. Деревянная, тускло отсвечивавшая утреннему солнцу. Свет в коридоре опять погас, Леха принялся хлопать в ладоши, как в театре, свет реагировать и включаться не собирался. Выругавшись, Коргин сунул отмычку Соколовскому и ушел в коридор налаживать освещение. Сашка за спиной приятеля потихоньку зевал, предвкушая обед, на который Лизка обещала оставить в холодильнике пирог с вишней, а он ее обожал. Вроде б она не злилась больше, сразу дышать легче стало. После обыска можно будет вдоволь курить на лестнице, в горле сладко защипало.

Дверь распахнулась и оттуда полился сухой треск выстрелов. Соколовский по инерции рванулся вперед, задвинув за себя Сашку. Коргин, стоявший позади всех, мельком увидел обкуренного в дым Кульниченко, в майке и шортах, палившего из пистолета Макарова. Потом на него рухнул обливающийся кровью Сашка, увлекая за собой Соколовского. В следующую секунду Леха с пацанами влетел в квартиру, прижав Кульниченко к полу и зафиксировал наручники у него на запястьях. Тот хрипел и извивался под его коленом, Леха ткнул ему в зубы ствол пистолета, кульниченковский Макаров валялся в шаге от него.

–Твою мать! – заорал наспех оклемавшийся Леха растерянным операм. – «Скорую» вызывайте, живо! – Скрутив Кульниченко, он потащил его вниз по лестнице. Всплеск адреналина после употребления анаши у того схлынул, задержанный покорно плелся вперед, еле переставляя ноги. Володя Симонов тем временем кричал в трубку, пытаясь дозвониться до «скорой».

–Черт, как так-то, а? – бормотал он про себя. Потом подготовка дала знать о себе, он попытался пережать льющуюся кровь. На обыск никто не брал бронежилеты, пули легко прошли сквозь тонкую обычную ткань. У Сашки изо рта текла тоненькая струйка крови, пуля попала ему в голову, светлые волосы слиплись. Мокрые от крови и пота. Грудь Соколовского была залита кровью, приоткрытые черные глаза уставились в засиженный мухами выщербленный потолок. Расстояние в чертовом закутке от двери было полметра, самое большее, а Кульниченко, сознательно или нет, но стрелял в упор. На поражение. Сашка, как только грохнули первые выстрелы, ринулся вперед, попробовал выхватить пистолет, Кульниченко всадил в него не меньше пяти пуль. Перестрелка заняла полминуты, может и меньше. Тела лежали в проходе, на пороге, в квартире стояла тишина, задержанный был там один, видимо, ждал. Засаду устроил, черт его возьми! Паниковать было нельзя, но именно паника начала топить мозг Симонову, он лихорадочно косился на часы, «скорая» не ехала. На пол напозала кровь, похоже, оба уже не

дышали.

Через восемь минут по лестнице наверх вбежала, наконец, фельдшерская бригада. Тела погрузили на носилки, медики явно торопились. Симонов на автомате пошел следом за ними. У подъезда стояла «Скорая», возле мусорных контейнеров, в заляпанном желтыми пятнами снегу. Визг сирены разносился по притихшему двору. Пока носилки ставили в машину, Коргин схватил за плечо фельдшера.

–Позвоните родственникам,– отрывисто бросил тот, запрыгивая в машину. Оперативник прыгнул следом за ним.

–Володь, позвони Лизе,– крикнул он бледному Симонову. «Скорая» немного забуксовала, выезжая со двора, грохоча сиреной. Прорвавшись сквозь сугроб, машина вырулила на мокрый асфальт и помчалась по Чкалова, не обращая внимания на красный свет на переходе. Симонов рухнул на водительское сиденье патрульной машины, с силой захлопнул дверцу. Сзади Иванов держал обалдевшего от передоза Кульниченко, тупо улыбавшегося. Глаза у него блуждали, не в силах сфокусировать взгляд, он весь расплывался, как тряпичная кукла без костей. Из одежды на наркомане были только майка и шорты, слегка запачканные брызнувшей на них кровью.

–Что ты лыбишься, мразь?! – мрачно прошипел Симонов, с нескрываемой ненавистью глядя на задержанного. Тот ехидно ухмыльнулся.

–Я, начальник, права знаю,– с трудом выговорил он, еле

шевелия языком. Вдобавок, машина провоняла перегаром, Кульниченко еще и напился. Это грозило им алкогольной комой, прямо на месте мог нарисоваться очередной труп. Больше ничего произнести арестованный не смог, пьяно захрапел. От одной искры машина могла теперь взлететь на воздух. Иванов виновато смотрел на Володю, не зная, что сказать. Симонов молча принялся листать контакты телефона.

Лиза привычно вошла в аудиторию, с шаблонной улыбкой глядя на вставших студентов. В окно сияло утреннее солнце, сидевшие на его пути студенты шурились и прятались подалеже в тень. Не прочь они были бы спрятаться и от Елизаветы Алексеевны, да и от договора подряда, поджидавшего их. Впрочем, Лиза была довольна, только вернувшись из буфета с еще не остывшим теплым ароматом кофе на губах.

–Итак, начнем переключку,– карандаш Лизы забегал по строчкам журнала.– Андолина?

–Здесь,– отозвалась студентка на задней парте,– Гусева?

–Здесь,– лежавший перед Лизой на столе смартфон завибрировал и принялся ездить по столешнице. Она раздраженно взяла телефон.

–Я не могу говорить, у меня пара.

–Лиза, не отключайся,– она узнала голос Володи Симонова. Так просто опер звонить бы не стал, ее от неожиданности немного повело, она вынуждена была опереться о стол.

–Что с Сашкой? – ледяным тоном спросила она, пальцы нервно застучали по столу.

–Сашку застрелили, Лиз,– прогудел в трубку Симонов,– приехали на обыск, попали в засаду,– вздох рассказывал он, тщетно пытаясь сохранить остатки спокойствия. – на «скорой» увезли в первую городскую. Лешка с ними поехал.

–Я скоро буду,– заторможенно отозвалась Лиза и отключилась. Студенты молча смотрели на нее, выжидая продолжения переключки. Она покосилась на часы, 8:05 утра.

–Извините пожалуйста, мне нужно подняться на кафедру. Пара была на втором этаже, кафедра на четвертом, как она туда добралась, Лиза не помнила. На кафедре, в кабинете, сидела только методист, Аня Ильина, строчившая что-то в компьютере. Когда Михеева распахнула дверь, методист еще неодобрительно на нее посмотрела.

–Что-то забыла?

–Ань, мне нужно уйти,– твердо выговорила Лиза, сама себе удивившись,– у меня мужа на обыске застрелили, надо ехать в больницу.

Глаза Ани испуганно расширились.

–Насмерть?! – прошептала она одними губами, Лиза пожала плечами.

–Я не знаю,– неожиданно истерично выкрикнула она,– мне нужно ехать, отмените пару!

–Хорошо, хорошо,– забормотала методист,– вас, тебя заменят, иди, к-конечно,– она начала заикаться от шока. Лиза метнулась за дверь и помчалась по пустому коридору университета, тускло освещенному блеклыми лампами. Ее вы-

сокие каблукки гулко стучали по треснутым каменным плитам, эхом отдаваясь в аудиториях.

Лиза вылетела на крыльцо универа, выскочила на дорогу, отчаянно голосуя. Машины ехали мимо, плевав на нее, из-за поворота выезжало такси, она кинулась к нему.

–Эй, куда? Я на вызове,– окликнул ее таксист, пока она ломилась в его машину. На заднем сиденье застыла от неожиданности какая-то девчонка в наушниках. Лиза перехватила его взгляд.

–В первую городскую вези, быстро! – закричала она звенящим тонким голосом. – Отменяй свой вызов!

–Да некогда мне, уйди, дура! – наорал таксист, газуя. Ей пришлось отскочить с дороги, чтобы он не задел ее бампером. Машина, взревев, уехала прочь. Лиза снова метнулась на дорогу, чувствуя, как у нее внутри что-то обрывается. Возможно, всего лишь душа. Она забыла одеться, ветер рвал на ней тонкую серую блузку и юбку до колена, она снова голосовала.

–Ну пожалуйста, ну хоть кто-нибудь,– машинально шептала она. Одна из машин, побитая темно-серая «Ауди» притормозила, оттуда высунулся заросший щетиной парень.

–Чего тебе? – крикнул он. Голос тонул в уличном грохоте и свисте ветра в ушах.

–Мне в больницу надо, срочно,– умоляюще простонала Лиза, зайдясь кашлем. Длинные волосы летали по ветру, забираясь ей в рот, заглушая звенящий крик. Водитель неодоб-

рительно покосился на растрепанную девчонку, но все же остановился и открыл дверь.

–Салон мне грязью не заляпай!

–В первую городскую, только побыстрее, пожалуйста!

Он ударил по газам, «Ауди» сорвалась с места. На Ленинском машина попала в поток, впереди намечалась пробка, Лиза скрипела зубами так, что заболели челюсти. Водитель испуганно таращился на нее в заднее стекло, опасаясь расспрашивать. Он видел, как медленно растекается черная тушь на бледном лице девушки, как машинально она до крови кусает губы. Лиза остановившимся взглядом смотрела на запруженную дорогу, был утренний час-пик. 8:25 утра. В бледно-голубом высоком небе летела какая-то птица, вроде голубя. Как Лиза жалела, что не может сейчас взлететь над потоком. Она понятия не имела, сколько у нее времени, Леша Коргин на звонки не отвечал. Она отбила себе пальцы, без конца набирая номер Соколовского, тот тоже молчал.

–Черт, Юра, где же ты?! – шептала она, снова и снова вслушиваясь в далекие затихающие гудки. И механический голос автоответчика: «Абонент не отвечает. Оставьте сообщение после сигнала». И долгий гудок.

–Юра, с Сашей беда, позвони мне, пожалуйста,– дрожащим плачущим голосом провизжала она в трубку. Водитель прибавил газу, но на переезде машина встала вновь. Лиза молча закрыла лицо руками и расплакалась.

8:44 было на часах ее телефона, когда машина доехала,

наконец, до первой городской. Она принялась машинально копаться в кошельке, всхлипывая и почти ничего не видя в полутьме автомобиля.

– Да беги уже! – махнул рукой водитель, заводя двигатель. Лиза помчалась в больницу, рывком открыла тяжелую белую дверь. Приемная была запружена людьми, она подбежала к медсестре, схватив ее за халат.

– Эй, что вы делаете? – недовольный резкий голос ее немного охладил на пару секунд.

– Саша, Александр Михеев к вам поступал? – заикаясь, пробормотала она, развернув медсестру к себе, – Там на обыск что-то случилось, я не знаю, что!

– Ясно, – четко ответила медсестра, видимо, сориентировавшись, – операционная на втором этаже налево.

Лиза побежала наверх. У выхода на лестницу ее поймал белый от напряжения Коргин.

– Леша, что с ним? Что с Сашей? – закричала она, кинувшись ему на грудь, хрипло плача. Он осторожно пытался ее успокоить, чувствуя, как колотится ее сердце. В университете перед студентами она еще могла хотя бы пытаться сдерживать себя, но сейчас она обмякла, сотрясаясь от страха, от неизвестности. – Скажи мне, пожалуйста!

– Лиза, Саши нет, – дрогнувшим голосом пробормотал Коргин, она подняла голову, глядя на него. Он отвел глаза, она рывком развернула его к себе, продолжая неотрывно смотреть, ища на его лице подтверждения словам.

–Что значит нет?! Его же увезли на «скорой», они должны были помочь!

–Не получилось, – нехотя ответил он,– он не доехал. Ты понимаешь меня?

Она бешеным взглядом сверлила его, потом зашаталась. Он подхватил ее, подвел к скамейке, она упала на нее, громко плача. 8:53 утра. Коргин тщетно пытался ее успокоить, сам едва не срываясь на слезы. С Сашей они работали вместе второй год, столько переделок прошли, а тут так глупо. Казалось, что осязаемая горечь ощущалась даже во рту. Она его поняла, плакала, растирая по лицу грязные потоки туши. Потом резко подняла голову, так, что она закружилась.

–А где Юра? – звеняще спросила она.– Почему он не здесь?!

–Они его сейчас оперируют,– отстраненно отозвался Коргин,– он стоял впереди нас, когда началась стрельба. Потом уже Сашка бросился выбивать пистолет, он хотел его задвинуть, а Саня все равно пошел.

–И Юра тоже?!

–Да. – Лиза, оставшаяся без опоры, без сил упала на скамейку.

11.

Она не знала, сколько времени просидела на скамейке у дверей операционной, плохо соображая, что происходит. Не знала, сидит ли рядом Леша или ушел, почти не помнила, говорил ли кто-то с ней или нет. Очнулась, когда поняла, что Леша осторожно тормозит ее, вздрогнула всем телом.

–Что? – на автомате спросила она. Над ней свесилось незнакомое лицо, она сообразила, что это врач.

–Девушка, вы меня вообще слышите? Я говорю, операция прошла тяжело, пока ничего конкретного сказать не могу.

–Что делать? – она еле ворочала языком.

–Ждать, – сухо ответил врач и пошел дальше по коридору. Леша легонько толкнул ее в бок.

–Лиза, поезжай домой, тебе нужно отдохнуть. Сейчас бесполезно здесь сидеть, мы ему ничем не поможем.

Слова доходили до нее с трудом, она смотрела сквозь Коргина мутным взглядом. У него в кармане завибрировал телефон.

–Да? Не знаю, врач ничего толком не сказал. Да иди ты к черту, Эдик, я ничего не знаю! – он отключился.

–Что произошло? – отстраненно спросила Лиза, видимо, немного придя в себя после первого приступа. Она даже нашла в себе силы взглянуть на часы. 11:54, почти полдень, машинально отметила про себя.

– Был плановый обыск в квартире одного из свидетелей,– механически, как попугай, заговорил Леша,– мы искали оружие убийства, которое было на прошлой неделе. Черт, неужели прошла только неделя?! Мы, наверно, потеряли бдительность, я не знаю, но нас ждала засада. Кульниченко выпустил в нас всю обойму, стрелял в упор, там полметра всего было, а он за шкафом каким-то стоял, я не знаю.

–Ты ничего не знаешь! – жестко пробормотала она, он только кивнул.

–Я же из отдела еще двоих пацанов привел, для подстраховки, а он начал стрелять, едва мы дверь открыли. Даже сгруппироваться не успели, потеряли секунд семь, и он успел расстрелять наших! Семь секунд, а потом мы его скрутили. Эдик звонил уже раза три, он его сейчас допрашивает, тот уже во всем признался. А его пистолет мы и искали, из него стреляли в Лихоткину,– Леха говорил как заведенный, не забываясь о том, слушают его или нет. Да она и не слушала почти что, оглушенная и раздавленная.

–Почему вы не смогли ничего сделать?

–Я не знаю.– пробормотал он,– Прости, Лиз.

–Я прощу, а Сашка? – спросила она у потолка.– А Юра, если он вообще выживет? Кто виноват?

–Никто. Каждый сделал все, что мог. Они нас вытащили, по сути, иначе Кульниченко расстрелял бы всех. Слишком узкий проем, большая убойная мощь выстрелов.

Телефон Коргина снова затрясся, он молча вслушался в

динамик.

–Лиза, мне надо ехать. Нужно опрашивать свидетелей, соседей Кульниченко, дело ведет Эдик. Мне нужно написать рапорт.

–Уезжай,– прошептала она,– я останусь тут.

–Зачем? Это бессмысленно.

–Сашка погиб,– на Коргина посмотрели большие, красные от слез глаза, некогда бывшие зелеными,– его нет, понимаешь? А Юра, он, он там один, и я не могу его бросить. А вы все можете.

–Лиза! – умоляюще проговорил он.– Не говори так, пожалуйста! Ну не могу я остаться, я должен там быть! Должен помочь допросить Кульниченко, должен что-то понять, пойми ты меня!

–Я понимаю. Но Саша был бы жив, если бы вы хоть что-то сделали тогда, а не сейчас!

Коргин ушел по коридору, не оглядываясь. Лиза говорила, как сумасшедшая, сама плохо понимая собственные слова, но он чувствовал, он знал, что она права. Вот только что они должны были сделать? Что можно было сделать, когда они растерялись, несмотря на подготовку? Да, надо это признать, они растерялись, они не знали, как поступить. Начальник отдела полиции уже разнес своих подчиненных, неизвестно что сейчас творилось в следственном отделе. Вот только поздно все это, уже ничего не изменить. Человека не вернешь. Они каждый день за руку здоровались со смертью,

но как редко она напрямую касалась их самих! Так глупо и так нелепо, неожиданно, непонятно. Никто не мог предугадать засаду, не было никаких признаков. Соколовский сделал, что мог, оставив в коридоре почти всю следственную группу, которой оставалось только наблюдать, как гибнут их товарищи, черт возьми!

Эдик Бернс, которому экстренно передали дела Соколовского, предъявил обвинение Колосову в убийстве Надежды Лихоткиной, моментально проведенная экспертиза указала, что пистолет один и тот же. Под отпечатками Кульниченко нашли пото-жировые следы Колосова, он не стал отпираться. Перед Кульниченко сразу же положили обвинение в предумышленном убийстве. От того, выживет Соколовский или нет зависело, будет он обвиняться в одном убийстве или в двойном. На сегодня была назначена и психолого-психиатрическая экспертиза Болдырева и Черниченко, Бернс разрывался, бегая по всем инстанциям, выпрашивая акты и заключения, опять назначая время для допроса свидетелям. В один день на него свалилась куча работы. Ее нужно было побыстрее делать, а он не хотел и не мог. Он просто не ожидал, что такое может произойти. Смерть стала обычным явлением, слишком обычным и нелепым. Эта мысль засела в мозгах, как заноза. Сегодня ему постоянно звонила Алена, известие о перестрелке просочилось в СМИ, пока еще неясные слухи. Комаров, начальник следственного отдела, уже распорядился замять дело. Незачем было ждать резонанса, в

газеты дали совсем другую информацию о поимке преступника. Да, он был пойман. Какой ценой достигнут результат никого особо не волновало.

—Сегодня по адресу улица Чкалова, 78, квартира 41, следственно-оперативная группа провела задержание преступника, подозреваемого в незаконном приобретении, хранении и распространении оружия. При проведении обыска возникла нештатная ситуация,— цитировала Алена мужу новостной анонс,— Эдик, ты мне можешь конкретно сказать, что там у вас случилось?

—Ален, да нормально все,— отнекивался Эдик,— ты больше новостям верь.

—С тобой точно все нормально?

—Да точно, блин, не волнуйся,— он натянуто засмеялся. — на меня просто гору дел перевалили, до позднего вечера не разгребуть. — Он отключился.

Кульниченко допрашивали до трех часов дня, одновременно работали с соседями, с немногими свидетелями. Утечки информации в Интернет кое-как удалось не допустить, по-прежнему ходили только слухи. Бернс возился до поздней ночи, проводя осмотр места происшествия. Кровь уже замыли детергентами, после которых в воздухе стоял ощутимый запах хлорки. Следов было предостаточно, нужно было только собрать их все и оформить в вещдоки. Обычных шуток в этот раз не было, работали молча.

За окнами уже почти стемнело, только в нижнем углу неба

алел кусок заката. Коридор больницы был ярко освещен, блики от ламп болтались на черном оконном стекле. Окно отражало первые звезды и наползающие тучи, но не пропускало ни единого звука изнутри. Пахло сухим терпким запахом лекарств, пота и почему-то водки. За стенкой слышался гомон, мимо сновали врачи, Лиза понимала это по носящимся взад-вперед белым халатам. Ее словно никто не видел, она сидела здесь, выключенная из жизни, как сова, шурясь от яркого света. Снаружи зажглись огни домов, раньше, еще будучи студенткой, она любила на них смотреть. Окна вспыхивали желтоватым электрическим светом, поднявшийся ветер раскачивал ветки деревьев. На верхушке одного из них одиноко болтался синий изодранный пакет, развевавшийся там, как флаг. Весь день она провела, рассматривая этот пакет, невольно гадая, сорвется он вниз или нет. Пакет не срывался, упорно держась за тонкие ветки самой верхушки высоченного тополя. Так было проще, ей нужно было хоть ненадолго отвлечься, абстрагироваться от навалившегося нервного напряжения. Неожиданно она вспомнила, что ничего еще не ела, и, наверно, голодна, но эта мысль прошла мимо ее наполовину отключившегося сознания. Она замерзла, дрожала всем телом, поддаваясь сквозняку, гуляющему в коридоре.

Над ней опять склонился врач, она молча посмотрела на него. Молодой, не старше тридцати пяти лет, он явно хотел ей помочь, но не знал, как. Она ждала.

– Это вы Лиза? – наконец спросил он. Она вздрогнула и испуганно оглянулась на дверь реанимации.

– Да, я. – голос опять предательски зазвенел.

– Он в бреду постоянно зовет вас, – буднично сообщил неизвестный безликий врач, – и просит прощения. Уезжайте домой, вам надо отдохнуть. До утра ничего не изменится.

– Он меня зовет, а вы предлагаете ехать домой? – раздраженно спросила Лиза. – Мой Саша сегодня погиб, у меня больше никого не осталось. Я его не предаю. – Она отвернулась, твердо намереваясь устраиваться спать на скамейке. Врач вздохнул.

– Меня Андрей зовут, – сообщил он непонятно зачем. Развернулся и ушел. Минут через пять пришла медсестра, осторожно положив возле Лизы аккуратно свернутый плед. Плакать девушка уже была не в состоянии, она словно оцепенела, неподвижно глядя перед собой, а плед так и лежал рядом, нетронутый.

12.

Бернс, сидя с раннего утра в кабинете, строчил обвинительное заключение на Болдырева. Солнце, несмотря на самое начало апреля, светило нещадно, он поминутно стирал пот, капающий с волос на клавиатуру компьютера. Снег снаружи быстро таял, обнажая оставшуюся с ноября грязь и дорожные рытвины. Весна здесь сурова, снега таят вместе с асфальтом, что поделаешь. Экспертиза попала ему на руки только вчера вечером, сейчас он обложился бумагами, наспех пытаясь их рассортировать. К обеду должны были привезти обвиняемого для ознакомления с заключением. Все делалось второпях, времени тщательно работать над делом не было, на нем висело еще три таких же. В материалах еще не хватало половины объяснений и протоколов допросов, их он печатал вчера ночью дома, под кофирку. Это могло сойти за нарушение, фабрикация доказательств, но ему и раньше частенько приходилось так поступать, чтобы поскорее закрыть очевидное преступление.

«Болдырев Ю.А. хроническим психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики не страдал и не страдает. В период совершения инкриминируемого ему деяния он мог осознавать фактически характер и общественную опасность собственных действий и руководить ими. В настоящее время он также спо-

собен осознавать фактический характер собственных действий, руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства имеющие значение для уголовного дела и давать показания. В принудительных мерах медицинского характера не нуждается. Имеет следующие личностные особенности. нестабильность в логике суждений, от опоры на рациональность до ухода в субъективизм, сложности в принятии критических замечаний, в характере – стремление быть в центре внимания, придавая своей личности особую значимость. Склонность вживаться в различные социальные роли; в личностно-нейтральных ситуациях проявление конформности, в эмоционально-волевой сфере – неустойчивость эмоционального фона с преобладанием повышенного настроения. Чувствительность и ранимость. В трудных ситуациях уступчивость и зависимость.» – переписывал он заключение эксперта, практически не вникая в дебри медицинской терминологии. На допросе, проведенном Соколовским, обвиняемый разглагольствовал о полученной в детстве душевной травме, якобы его пыталась склонить к разврату родная старшая сестра. Разжалобить ему никого не удалось, никому не было дела до его мотивов и травм. Сначала он признался во всем, теперь пробовал отпираться, сообщал, что напился тогда и не помнит, что вытворял. Ну, это он уже поздно, показания уже приобщены к делу, осталось, по сути, только уладить пару формальностей.

Распечатав, он поставил на бланке размашистую подпись

и отложил в сторону, поверх аккуратной стопки подготовленных для замначальника Комарова бумаг. Рядом стоял стакан с остывшим недопитым чаем, он прихлебнул было его. Чай оказался горьким, и оставлял на стенках темный осадок, раздосадованный Эдик слил его в окно, идти на верхний этаж и мыть его в раковине было лень. Дело Болдырева было еще не готово к отправке в суд, он это отлично понимал, зная, что материалы могут вернуть на доработку, а брака страшнее в следствии нет. Но не хотел он возиться с этим делом! Как и с Колосовым, сидевшим в СИЗО, ожидая решения своей участи. Иметь собственное мнение следователю особо не полагается, но лично Эдик своими руками пристрелил бы этого Колосова, вместе с его дружкой Кульниченко. На том повисли мощные обвинения, дело было на мази.

Машинально Бернс посмотрел время на телефоне, фоном экрана служила фотография их с Ленкой и Аленой летом на шашлыках у друзей. Эх, бросить бы все, и уехать в Горно-Алтайск, подальше от всего этого. Последнее время он часто ощущал подобную усталость, его тянуло домой, к семье. Может быть потому, что перед глазами стояли похороны Сашки Михеева, прошедшие позавчера. Не очень хорошо схоронили, быстро, очень торопились. Страшно было смотреть на почерневшую Лизу, стоявшую у могилы, как столб, страшно было смотреть ей в глаза. Они все знали, что виновны, пусть и косвенно в случившемся. Что-то недосмотрели, что-то не увидели, и так дорого пришлось заплатить. Мысль ста-

ла постоянным мотивом, работать не хотелось, большинство дел встали. На выезды теперь ездили с бывшими бойцами СОБРа, расформированного чуть ранее, принимали жесткие меры безопасности. С наступлением настоящей весны и массовым таянием снегов пошло обострение у городских психов, который раз оперативники вынуждены были срывать с деревьев очередных самоубийц или переборщивших с дозой наркоманов.

Смерти посыпались как горох, в день на каждом повисло по пять-шесть выездов и осмотров бесконечных трупов. А Ленка уже вовсю лопотала что-то, мешая свой птичий лепет с вполне осознанными короткими фразами. Алена присылала мужу видео с дочкой по ватсаппу, он видел Ленку на экране чаще, чем вживую. И это было противно, почти омерзительно.

Оставалось еще одно дело, Курцевой. Бернс принялся набирать постановление о прекращении. Здесь все было ясно как день. Проблема только в том, что через полчаса придет ее мать, которой и придется все это объяснять.

«В ходе предварительного следствия установлено, что 30.03.2017 у подъезда №1 дома по адресу: г.Барнаул, ул.Чкалова, 78 «б», обнаружен труп Курцевой Евгении Андреевны, 29.12.1999 г.р. с телесными повреждениями характерными для падения с большой высоты.

Согласно заключения эксперта причиной смерти Курцевой Е.А. явилась тупая сочетанная травма грудной клетки,

живота таза, левой верхней и нижних конечностей, полученная вследствие падения с большой высоты. Кроме того, обнаружены поверхностные резаные раны на левом предплечье (4), которые образовались от действия предмета с острой режущей кромкой и вреда здоровью не причинили.

Установлено, что 30.03.2017 Курцева Е.А. с целью самоубийства выпрыгнула из окна общей лоджии подъезда №1, расположенной на 12 этаже дома №78 «б» по ул. Чкалова г. Барнаула.

При осмотре сотового телефона и планшетного компьютера погибшей были обнаружены многочисленные фотографии самопорезов на руках, сделанных в различное время, в частности ряд фотоизображений датированы в феврале 2017 г. На них видны множественные самопорезы предплечий, вырезанная на руке пентаграмма.

Согласно заключению посмертной психолого – психиатрической экспертизы, девушка совершила самоубийство вследствие имеющегося у нее болезненного состояния психики наложенного на личные переживания.»

Только он распечатал постановление, вошла Курцева. Потрясение плохо сказалось на ней, мешковатая одежда, отсутствие макияжа, нервные движения. Конечно, ему было очень ее жаль, он ощущал свою вину перед ней. Женщина тихо присела на подготовленный стул, он молча подал ей бланк. Пробежав лист глазами, мать вздохнула.

–Значит все так и закончится? – безразличным тоном

спросила она.

–В смерти Жени никто не виноват, Татьяна Алексеевна,– пожал плечами Бернс, стараясь скрыть покрасневшие от напряжения или от слез глаза. – стыдно признаваться, но мы бессильны.

–Да понятно, конечно. Просто я так и не пойму, зачем она так со мной поступила. Что хотела доказать? – вопросы были потухшие, без выражения и особых эмоций.– Вы верите, что там что-то есть? После смерти?

–Я не знаю,– нервно дернулся Бернс, его водянистые серо-голубые глаза невольно забегали от смущения. – но думаю, если и есть что-то, то ей там неплохо.

–Хоть бы,– прежде чем он успел открыть рот, она встала и вышла. Бернс подождал, пока стихнут ее шаги на лестнице, потом вышел на крыльцо старинного столетнего здания, в подвале которого они размещались и закурил. Он не верил в жизнь после смерти, не верил, что размазанный в кашу на асфальте труп на том свете встанет и будет хоть как-то функционировать, но его мнение не значило ничего для раздавленный горем женщины. Она не просила ответа, она просила поддержки, она умоляла помочь ей. А все, что он мог – в очередной раз солгать. Если бы это могло ее утешить, он поверил бы хоть в зубную фею, но ей было наплевать. Оставалось надеяться, что она не сойдет с ума. Впрочем, он знал, что забудет о ней через пару недель, с головой погружившись в новое дело. Нельзя принимать чужое горе слиш-

ком близко. Атрофия души рано или поздно станет расплатой за чувствительность. Лучше погрязнуть в цинизме и рассматривать людей как потенциальные трупы, тем более, что именно в таком состоянии он их обычно и видит.

Почти обыденностью, обязанностью стали для Эдика звонки в больницу. Там практически безвылазно дежурила Лиза, больше просто некому. Соколовский неделю лежал в отключке, ему становилось то лучше, то хуже. Кажется, одна из трех пуль пробила ему легкое, и ничего определенного врачи сказать не могли до сих пор. Какой-то невыносимо нудный бесконечный кошмар. Звонить было все страшнее, жутко было слушать в динамике сухой безжизненный голос Лизы, которую он помнил смеющейся и покрасневшей, впервые пришедшей тогда к ним в отдел. Саша с Юркой решили устроить ей маленькую экскурсию, с псевдосерьезным видом показывая ей их крохотный грязный кабинет, и разглагольствуя о его тепле и уюте. А она боялась ненароком лишний раз шелохнуться, чтобы не задеть что-нибудь и не сломать. Она сама была не очень высокая, ниже их, но явно ощущала себя слоном в посудной лавке среди их столов, насаженных друг на друга, шкафа и манекена. У него тогда еще было лицо, потом его снесли на стрельбах. Бернс набрал было ее номер, но резко сбросил. Не было сил снова туда звонить, он чувствовал реальный цепкий, липкий как пот страх, обвивающий сердце, как змея.

13.

Пакет с тополя, наконец, сорвало и швырнуло в грязный сугроб. Лиза заметила это сегодня утром, только приехав в больницу. Синие обрывки терзала теперь какая-то опаршивевшая бродячая дворняжка, вяло огрызаясь на спешащих мимо прохожих.

Зачем она сюда приезжала? Если Лиза и задавалась этим вопросом, вряд ли могла найти внятный ответ. Но стоять на похоронах было еще страшнее. Здесь ощущалась жизнь, хоть какое-то движение, там она оставалась наедине со смертью. Она не забудет, как медленно опускали в землю гроб, не забудет дикий страх, сдавивший ей желудок. Она всю эту неделю жила в страхе, настороженными глазами сверля снующих мимо врачей, медсестер, посетителей, еще черт знает кого. Возвращаться домой оказалось еще хуже, там ее встречала тишина. Гнилая, холодная тишина и фотография Сашки. Повешенная слишком высоко, почти под потолком, потому что нормальный гвоздь оказался только там, оставшись еще с ремонта. Он неотрывно смотрел на нее, вчера она не выдержала и сняла его с гвоздя, спрятав подальше в шкаф. Но он следил за ней сквозь тщательно запертую дверцу, как всегда, слегка улыбаясь. Они сильно отличались с Юркой, как небо и земля. Саша улыбался постоянно, своей особой, еле заметной, но очень теплой улыбкой. У него при этом только

глаза искрились, как расплавленное серебро, как будто чуть-чуть усмехаясь. А что он скрывал за этой своей полуулыбкой, не знала даже она, он умел быть скрытным. Никак не хотел рассказывать ей свои проблемы, считал, что должен ее оберегать. Даже, когда они ссорились, и она убегала в угол, он подкрадывался к ней сзади, хватал на руки и тащил на диван. Чтобы видеть ее, и не волноваться, что она там делает, вечно приговаривал при этом. Думал, что застигает ее врасплох, а она ждала этой его выходки, слышала, как он крадется. Уж очень он громко топал при этом, настолько увлекался. И обожал дарить ей цветы, темно-алые розы. Как запекшаяся кровь. Она не знала, откуда он их брал, ей было все равно, она привыкла ждать эти цветы, как праздника. А он стоял напротив и совсем по-мальчишески смотрел на нее, пока она кружилась по тесной комнатке с букетом в руках. Розы кололись шипами, но их красота заставляла простить все.

А Соколовский улыбался нечасто, хоть и не сказать, что никогда. Она хорошо его помнила в ту, самую первую встречу. До жути банальную. В университете, на какой-то лекции, кажется по теории права. Она тогда сидела с подругами на второй парте, над чем-то смеялась, и какое-то зудящее ощущение заставило ее обернуться. Она увидела, как сидящий четыремя рядами выше парень буквально прожигает ее холодным взглядом. Даже поняв, что обнаружен, он явно не намеревался отвести от нее вспыхивающие как уголья черные глаза. Горящие и одновременно холодные, как пустые

ночные тоннели. А рядом с ним сидел его приятель, толкая его в бок и ухмыляясь. Хорошо, тогда вошел преподаватель, и лекция началась. После пары оба приятеля подошли к ней.

–Девушка, а можно с вами познакомиться? – с показательной вежливостью заявил один из них, – меня Саша зовут, и я заметил, что вам на лекции было дико скучно. Перейдем на ты?

–Мне не было скучно,– улыбнулась она,– я боялась, что ваш сосед меня испепелит. – укол пришелся в цель, молчащий второй парень явно стушевался.

–Извините, задумался,– невнятно пробормотал он. Разговор явно был ему неприятен.

–Да давайте на ты,– смягчилась она,– я Лиза.

–Юра,– наконец соизволил представиться тот, тряхнув головой. Пряди черных волос постоянно падали ему на лоб, поэтому сидя, он вечно подпирал висок левой рукой. И, в отличие от Сашки, весь универ проходил в костюме, но только не в футболках и джинсах. Обожал строить из себя педанта, и держал жуткий беспорядок у себя на столе. Не поймешь, сплошной клубок противоречий! Водил ее в кафе после пар, и терпеть не мог музыку, которую она слушала. И не выносил притворяться в чем бы то ни было. Хотя делать ему это приходилось постоянно. На старших курсах он здорово повздорил с одним из преподав, из-за пустяка, просто желал лишний раз доказать свою принципиальность. И препод вынужден был признать его правоту, хоть и попытался зарезать

Соколовского на экзамене, впрочем, безуспешно.

Он тоже дарил ей цветы, почти каждый день. Любые, в сортах он не разбирался, еще и подчеркивая это, но почти всегда белые. Если даже Соколовский и улыбался, глаза у него не смеялись никогда, обычно оставаясь отстраненными. Нет, она была права, они не были особо холодными, скорее колючими, а иногда застенчивыми. Сашка любил его подкалывать по этому поводу, в ответ тот говорил, что Михеев свихнувшийся романтик, а он, видите ли, мнит себя реалистом. Говорил он это зря, как позже оказалось, с точностью до наоборот.

И она с самого начала знала, что он ее любит. Хотя упорно не желал это признавать. Если, гуляя по городу, она начинала восхищаться летящим с вечернего неба снегом, он обязательно ворчал, что завтра будет ужасная слякоть, и искренне недоумевал, почему она закатывается от смеха.

После того, как на выпускном она сказала ему, что выйдет замуж за Сашу, ей впервые стало страшно по-настоящему. Застывшие черные глаза Соколовского прокололи ее насквозь, насилу ему удалось их отвести, и взять себя в руки. А потом он был другом жениха на свадьбе и через силу улыбался ей. Натянутой улыбкой. А в глазах тускло сверкали тщательно скрываемые слезы. Он был тогда почти мальчишкой, ни разу потом она не видела у него таких вспышек. Не вылезая с работы, он отлично научился владеть собой. Но она никогда не знала точно, как ей вести себя с ним, и что он ду-

мает. Она по-своему любила их обоих, они были ей опорой, а теперь она в любой момент могла потерять все. Так просто и так жутко.

–Лиза? – она вздрогнула и обернулась от окна. Сзади стоял Андрей, врач. Странное дело, без халата, видимо, где-то забыл. В джинсах и сиреновом свитере крупной вязки. Наверно, врачи тоже могут быть людьми.

–Что? – напряженно проговорила она. Андрей неожиданно по-доброму улыбнулся. Может, он делал так и раньше, она впервые вообще смотрела на него, по-настоящему, не как на ходячий предмет больничного инвентаря.

–Очнулся ваш Соколовский, вечером сможете ненадолго зайти к нему. Ненадолго,– повторил он, довольно глядя на остолбеневшую в первый момент Лизу.

–Скажите,– ее голос заметно дрогнул,– с ним точно все будет в порядке?

–Да, теперь уже точно,– железно ответил Андрей. Наверно, он потом куда-то ушел, она этого почти не помнила.

Вечером ей наконец-то разрешили зайти в палату. Она шла, чувствуя, как подкашиваются ноги и бешено стучит сердце. Соколовский ее ждал, еще очень бледный, почти одного цвета со своей подушкой, обросший небритой щетиной. Ждал и смотрел на нее точно так же, как тогда в универе, прожигая навывлет. На худом лице они четко выделялись, большие черные глаза, немного запавшие, обведенные темными кругами. Кажется, там был кто-то еще, она не ви-

дела. Осторожно приблизившись, Лиза присела на край койки, слегка скрипнувшей в ответ. Ей было страшно на него смотреть, почему-то очень страшно и стыдно.

– Сашки нет, да? – хрипло спросил он, облизывая потрескавшиеся губы. Она сдавленно кивнула. – Я помню, он упал рядом со мной. Мне не удалось предотвратить засаду. Прости меня.

– Тебе нельзя еще волноваться, – пробормотала она, с опаской вслушиваясь, как тяжело он дышит. – никто не виноват.

Он в ответ слабо улыбнулся.

– Ты могла обмануть Сашку, но не меня. Спорим, обвиняешь всех подряд и злишься на себя?

Лиза невольно расслабилась: перед ней был прежний Юрка Соколовский, со своим вечным сарказмом. И раскисать сейчас было нельзя, нельзя, чтобы он это заметил. Хотя бы здесь она обязана выдержать. А он явно бодрился, не желая слишком ее пугать. Дурак, все строит из себя!

– Юр, не надо, я сама не знаю, что во мне сейчас творится. Сначала, наверно да, злилась на всех вас, а теперь. Похоже, перегорела, на время или нет, не хочу думать. Тем более на тебя злиться бесполезно, еще угроблю тебя окончательно. – она усмехнулась, надеясь ехидством немного его взбодрить.

– А что же ты, как мне сказали, неделю сидела здесь? – похоже, только этот вопрос его и интересовал. Ну и, как обычно, он ее подкалывал.

—А ты почему постоянно меня звал, как сказали мне? — колкость удалась, Соколовский покраснел, как школьница, в глазах зажегся прежний обидчивый огонь. Напряжение начало разряжаться. — И вообще, давай, заказывай мне, что тебе завтра принести, а то на меня уже полбольницы косится, надо домой ехать.

В конце концов, если Юрка может сейчас хотя бы пытаться язвить, то и она на это способна.

—Груши привези, тогда.

—И как ты можешь их любить, они же кислые? — притворно скривилась Лиза,— И сок этот из них льется, отовсюду. Может по традиции, апельсины таскать?

—Ну да, а они сладкие, блин,— проворчал он в ответ. Лиза засмеялась и вышла из палаты. У нее с плеч словно гора свалилась. На секунду горечь в сердце немного притупилась, жизнь все же вступала в свои права. На крыльце больницы она остановилась, всматриваясь в усеянное звездами сиренево-фиолетовое небо. Дул ветер, снова подмораживало. Снег возле больницы сошел почти полностью, из-под слоя грязи робко проглядывали буро-зеленые стебли прошлогодней травы, мокрые и холодные. Она невольно спохватилась, поняв, что за последнее время впервые толком вгляделась в то, что ее окружает, вон, хоть траву под снегом заметила, уже неплохо. Прямо перед ней лежала большая широкая трасса, на переходе мигал зеленый огонь светофора, сообразив, что надо торопиться, она побежала вперед, по заученному

за неделю маршруту. Долго стояла на остановке, пока ждала автобус, замерзла и радовалась этому. Не потому, что сошла с ума, нет. Просто позволила себе побыть живой, не той машиной, что была до этого.

Остановка утонула в луже после дождя, а она не могла вспомнить, когда он был. Судя по всему, вчера, а где пропала она? Подошел забрызганный серо-белый автобус, жалобно всхлипывающий на ухабах всеми рессорами, она влетела в него, устало упав на сиденье. Да, раньше она обожала ездить вот так, никуда не приезжая. Как бы ей хотелось вернуться в те времена, когда она была почти девчонкой, смелой и свободной, когда на ней не висело столько тонн обязательств, когда толком не нужно было ничего решать самой. А сейчас словно какая-то часть ее прежней вернулась из-под присыпанного душу пепла.

14.

Лиза разрывалась между больницей и университетом, крутилась последнюю неделю, как белка в колесе, забегая домой только, чтобы рухнуть на кровать и захлебнуться сном. Еще и эти клопы с тараканами доставали, она сквозь дремоту ощущала, как ее кусают. Кажется, это перерастало в манию. Дихлофос не справлялся, уходя, она распыляла половину флакона, тараканов меньше не становилось, а она здорово задышалась в сладковатой вони. Иногда ей казалось, что у нее начинается астма. Находиться дома подолгу сил не было, она сбегала в больницу. Как и сейчас, вернувшись из универа пораньше, она быстро накинула на себя куртку линялого голубоватого цвета, который совершенно ей не шел, и помчалась ловить автобус.

Снег почернел и осел, весна бесновалась на городских улицах, поливая теплым дождем растрепанный город. Барнаул походил на мокрого пса, отогревающегося у решетки радиатора, присмирившего и распушившего свалявшуюся с зимы шерсть. Даже автобус, подползший к ней, едва не окатив потоком грязной воды, в кои-то веки вымыли. А может, он просто часа три мок под дождем на конечной станции, что было вероятнее всего. Перед больницей она заскочила в супермаркет за грушами и печеньем. Ненормальный все же этот Соколовский, только оклемался, сразу пирожные ему

подавай с пряниками. Видите ли, загнуться можно от пресной и невкусной больничной еды.

Естественно, он ее ждал, что еще ему было тут делать, в душной палате, наедине с ухвертками, заполонившими больницу по случаю сырости. Насекомые Юру не смущали, он рвался обратно в свой отдел, как кролик перед удавом.

—На меня уже кассирша смотрит, как на свою подругу, груши со скидкой свешала,— она усмехнулась, наблюдая, как бледный старый ее друг уплетает свое лакомство. Врач разрешил ему сидеть, чем тот активно и пользовался. Да, он точно шел на поправку, она уже не боялась смотреть ему в глаза.

—Прикинь, сегодня моя Маргарита Игоревна заходила, спрашивала, когда я к ней вернусь! Вот упрямая тетка, ей же никто не говорил, где я и что со мной, нашла ведь. Сыночек ее вернулся. Так она только о нем и говорит, зовет меня отмечать сие великое событие!

—Бедной бабуле не на кого орать за поздние возвращения, только и всего.— съязвила Лиза,— Дай мне хоть одно печенье, я же их покупаю, даже не пробую.

—Нет, себе ты дома купишь, а это мое,— немедленно отозвался тот.— Наверно, все-таки Эдик ей проболтался, ну не могла она сама сюда приковылять, у нее же ноги вечно болят.

—Ага, значит, ты врал, что терпеть ее не можешь!

—Ну,— замылся тот,— она противная настырная тетка, которая постоянно трещит про разваливших страну американ-

цев. Зато не мешает мне работать, и денег берет немного.

– Ты же кругом ей должен, сам жаловался? – вспомнила Лиза, ехидно посмеиваясь.

– Точно, совсем забыл. Лишь бы она не вспомнила!

Дверь отворилась, и в палату вошла целая делегация. Ну как вошла, ввалилась, отчаянно топая и хихикая. Парни ежились в непривычной обстановке, как гимназистки, умора! Возглавлял пришедших Эдик, довольный и раскрасневшийся с уличного холода, за ним шли Леха с Володей, да еще и Полозков, впервые на памяти Соколовского оторвавшийся от своего стула в дежурке. Кстати, рыжие патлы он расчесал, вероятно только на сегодня.

– Ну что, Юр, ты и в аду всех достал, да? – Эдиковская туша бесцеремонно прошествовала к соколовской койке, взгромоздившись на нее. – А нам шеф головы поотрывал, мол, что мы будем без тебя делать.

– Вообще, – пробасил Полозков, – без тебя мы будем спокойно и хорошо жить, без твоих придинок и подколов.

Коргин шутливо ткнул приятеля в бок.

– Нам Лизка не сказала, что принести, – тут взгляды устремились на пунцовую Лизу. Сдал он ее с потрохами. – мы тут маленько посоветались. – На тумбочку водрузили здоровенный пакет с фруктами, соками и черт еще знает с чем. У Соколовского глаза на лоб вылезли.

– Мать моя, и как я это все съем по-вашему?

– Тебе хватит до выписки, – хохотнул Бернс, – да мы и сей-

час уже начнем. Кстати, чуть не забыл, можешь готовить поляну в честь своих новых звезд.

– Да ну?

– Серьезно, уверяю тебя. Комаров погрызся с начальством, написал на тебя длиннущее представление, всем отделом собирали компромат. В следующем месяце гарантированно ждет тебя повышение до капитана!

– Ну ребят, вы даете! – обычно расторгать невозмутимого Соколовского было довольно сложно, сейчас был не тот случай. Потом Бернс клялся, что видел в глазах друга слезы, а тот, как обычно, все отрицал.

– Соскучились по тебе, Юр, – отозвался Полозков, – сами не ожидали.

– Да и дел накопилось, – жалобно ввернул Бернс, – я один не справляюсь.

– О, вот в это я поверю! – компания принялась за угощение. В конце концов, жизнь продолжалась и властно рвалась на волю из темницы воспоминаний.

Долго посидеть не удалось, в палату заглянула медсестра и сказала, что вызовет охрану если они не уберутся, и не прекратят шуметь. Бернс разрулил ситуацию, широко улыбнувшись сорокалетней медсестре, та ожгла его мрачным взглядом и скрылась. Стараясь не палиться, смотались и остальные. В затянутой сумерками палате осталась только Лиза.

– Сейчас тоже побегу, еще заотделения придет, нагорит. Так, значит, твердо решил вернуться? – вдруг посерьезнела

она.

–Выходит так,— отозвался Соколовский, невольно отведя глаза.

–Тебе смертей мало, Юр? – начала она давно планируемый тяжелый разговор. – Сашка погиб, тебя еле откачали, а опять туда же? Неужели другой работы нет, без всей этой грязи, этой крови?! – ее голос захлебнулся и сорвался на шепот.— Неужели снова придется ждать? Я не смогу потерять снова! – выпалив последние слова, Лиза вспыхнула, боясь взглянуть на собеседника. Потом все же посмотрела, снизу вверх, как тогда, в их последнюю встречу перед перестрелкой. Соколовский улыбался, тепло и открыто, впервые за долгое время. Он отлично ее понял, все, что девушка хотела сказать. Как боится она, думая, что предает Сашку, но стремясь вырваться из-под груза горечи. Как мечется, до сих пор не понимая, куда бежать, заблудившись в сомкнувшемся вокруг сером тумане. Она только думала, что способна все спланировать, отдаваясь под конец минутному порыву. А теперь растерялась, хоть и не желала сознаться в этом. И, решившись, он притянул ее к себе, ероша ее волосы пальцами.

–Бедная моя напуганная девочка,— пробормотал он,— и как странно пробовать называть тебя своей. И открыто говорить, как ты мне дорога. Непривычно, даже неудобно. Я не могу, Лиз,— он взял ее за плечи, чуть отстранив, чтобы видеть ее лицо. – не могу и не хочу ввергать тебя в то же болото. Ты права, конечно, есть другая работа. Другая жизнь,

пусть так. И она у тебя будет, не сомневайся, и я обещаю, честно обещаю, всегда быть рядом с тобой и поддерживать тебя. Но делать тебя своей не стану, и ждать меня, и терять тебе не придется. Я знаю, как ты убиваешься по Саше даже и теперь, хоть внешне немножко и оттаяла. С моей помощью.— он добился своего, у нее в глазах появились озорные смешинки, за которые он ее обожал. — И не позволю вот так же убиваться по мне, нет. С тебя хватит, Лиз. Сашка тогда еще мне сказал, что хотел купить тебе розы после дежурства, прости, что раньше не говорил.

—Вот ты всегда так,— обиженно ответила она, подавляя в себе предательское дрожание голоса,— сам все хочешь решить за других. Вы оба так похожи, мне даже страшно. Только я устала искать Сашку. — она говорила уже скороговоркой, боясь, что опять расплачется.— А ты, тебя же убьют там, в конце концов!

—Это ты загнула, Лиз,— усмехнулся он,— с чего ты взяла, что меня обязательно убьют? Вон, даже капитана давать хотят, ценят, оказывается. Прорвемся, вот увидишь.

—Ты вечно притворяешься, как всегда,— зло сказала она, загораясь.— я в эти недели все поняла! Думаешь, сможешь без меня? Думаешь, я смогу забыть, как здесь сидела, прислушиваясь к каждому чертовому шороху?! Не строй из себя фаталиста, ты никуда от меня не денешься!

Не в силах дольше себя сдерживать, он, наконец, позволил себе поцеловать ее по-настоящему, как столько раз пред-

ставлял. Думал ли он, что предает старую дружбу, занимая чужое место? Может быть, да. Но уж точно не сейчас.

За окнами больницы темнело и набухало небо. Собиралась первая в этом году весенняя гроза, слишком ранняя и оттого непредсказуемая. Вдали тихо грохотал гром, недоумевая, почему его не слышат и не обращают внимания. Накапывал дождь, оставляя маленькие кратеры в пыли, похожей на лунную поверхность. Дождь придет совсем скоро и смоет накопившуюся грязь с очнувшихся от мороза и снега улиц, пробудит их к чему-то новому, столь же неизбежному, как восход солнца через несколько часов.